

Александр Николаевич Громов

Властелин пустоты

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121475
Властелин пустоты: Эксмо; Москва; 1997
ISBN 5-251-00046-4

Аннотация

Полностью растеряв во время тотальных катастроф всю тысячелетиями накопленную информацию, люди даже не подозревают о космических подвигах своих далеких предков.

Поэтому неудивительно, что, снова устремившись к звездам и обнаружив на пригодной для колонизации планете чужую жизнь, эмиссары Земли приступают к методичной стерилизации открытого объекта, не обращая внимания на поразительное упрямство представителей этой жизни, присущее из всех галактических рас только землянам.

Содержание

Пролог 1	4
Пролог 2	7
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Громов

Властелин пустоты

Пролог 1

Самым неожиданным было то, что прогнозы о полном вымирании человечества к 2100 (3000? 4000?) году н. э. ни на грош не оправдались.

Самым закономерным было то же самое.

И Солнце по-прежнему дарило свет и тепло, грело и, не задаваясь вопросом «зачем?», продолжало свой ленивый путь по Галактике через звездный клочок пространства, ответившийся от спирального рукава Ориона-Лебедя.

И планеты – все, как одна, – по-прежнему слонялись от перигелиев к афелиям своих орбит, в положенное время подставляя солнечному ветру то или иное полушарие, меняли климат, теряли и наращивали полярные шапки, безумствовали землетрясениями и ураганами, варили в своих глубинах редкостные минералы, принимали переселенцев и, не задаваясь вопросом «за что?», безропотно отдавали им то, что имели.

Астероидов уже не было.

Люди рождались, старели, безропотно трудились, впадали в крайности, возносились над миром и выбирались из нищеты, крали чужое белье и устремлялись к звездам, лечились от насморка и воспитывали детей, становились тиранами и мучениками, создавали шедевры искусства, исполняли двумя пальцами «Собачий вальс», ссорились с соседями, погружались в религии и пытались позитивно воздействовать на наследственность.

Умирали – как всегда.

И так же, как прежде, человечество превосходило неживую природу многообразием явлений, и человек зачастую сам не подозревал, насколько он велик и настойчив, – равно как неведома ему была мера собственной беспомощности, беспринципности и глупости.

Земная цивилизация пережила химический, радиационный и генетический кризисы, одну глобальную войну, последствия парникового, тепличного и оранжерейного эффектов поочередно, двадцать три пандемии неизвестных болезней, два малых ледниковых периода и один не так чтобы малый.

Случалось, человечество вымирало на девять десятых и больше, затем возрождалось, меняясь с каждым новым возрождением и не подозревая об этом; приобретало новые способности, быстро множилось в числе, меняло привычки, правительства и режимы, слабо реагировало на приказы вождей вынуть из карманов кукиши для учета последних – и, поплеывая неизвестно по чьему адресу, работало, работало, работало... После чего до очередного вымирания оставалось не так уж далеко.

Вопросы перемещения во времени всё еще выглядели теоретической абстракцией.

Примерно в 2200 году, с открытием макротуннельного эффекта, была разработана туннельная камера – вид связи, позволяющий осуществлять переброску материальных, в том числе и живых тел (в виде информации, записанной на субкварковых частицах, с последующей сборкой на приемном конце), практически мгновенно и на сколь угодно большие расстояния. С этого момента вялый процесс колонизации Солнечной системы ускорился в сотни раз. Беспилотная ракета доставляла на избранное космическое тело туннельную камеру-приемник, после чего перед камерой-передатчиком выстраивалась длинная очередь переселенцев. Очень скоро туннельные камеры стали основным видом транспорта и на Земле.

Не обошлось без оппозиции. Как это бывает сплошь и рядом, мысль опередила время.

Далеко не всем – оно и понятно – пришлась по вкусу идея разрушения человеческого тела в камере-передатчике и использования энергии аннигиляции человека для туннельного переноса. Что произойдет, спрашивали скептики, если при субкварковой записи часть информации будет утеряна или искажена? Пассажир появится в пункте назначения нежизнеспособным уродом, да и появится ли он там вообще? Стихийные бунты против туннельного транспорта обычно носили локальный характер и по размаху ущерба не превосходили стоимости поврежденных камер, но продолжались довольно долго – вплоть до 2250 года. На этот отрезок времени падает и громкий скандал: некая молодая незамужняя особа по имени Доминика Лукреция Санчес, намереваясь провести уик-энд на Аляске, вошла в туннельную камеру на центральном вокзале Асунсьона и мгновение спустя появилась в Анкори-дже беременной на седьмом месяце. Лечащий врач сеньориты Санчес заявил под присягой, что до злополучного инцидента ни о какой беременности не могло быть и речи. Судебный процесс, продолжавшийся несколько лет, родил прецедент: отцом ребенка была признана камера-передатчик в Асунсьоне, и вряд ли в чем-нибудь виновный обслуживающий персонал камеры был присужден к уплате алиментов в пользу матери малыша, появившегося на свет, кстати сказать, вполне здоровым. Впрочем, очень возможно, что это только анекдот.

Численность населения Земли в целом росла (хотя вряд ли за счет туннельного транспорта). Пилообразная динамика подъемов и падений, до обидного похожая на зигзаги численности популяции леммингов, могла позабавить кого угодно, только не землянина:

2000 г. – 6,5 млрд. чел.
 2100 г. – 11,0 – # —
 2200 г. – 15,3 – # —
 2300 г. – 2,1 – # —
 2400 г. – 8,7 – # —
 2500 г. – 0,9 – # —
 2600 г. – 4,4 – # —
 2700 г. – 20,2 – # —

Солнечная система была освоена. Но звезды по-прежнему оставались недостижимыми. Теоретически существовала возможность туннельной заброски исследователя в окрестности любой звезды в Галактике – но только в виде субкварковой информации об этом исследователе, от которой, как легко понять, проку мало.

В 2788 году – эта дата известна точно – к ближайшим звездам стартовали сразу два туннельных корабля – в их действии был заложен иной принцип, нежели в работе заурядных тунн-камер, однако название, не отражающее сути, прижилось, в чем нет ничего удивительного – называют же слоеный торт «Наполеоном», и все довольны.

Туннельный корабль был способен покрыть расстояние до ближайших звезд за время, исчисляемое немногими неделями. В системах альфы Центавра, Сириуса и Летящей Барнарда не было найдено подходящих для человека планет – впрочем, на всякий случай там были оставлены капсулы с туннельными камерами. Прогресс был достигнут после изобилующего трудностями полета к эпсилон Эридана – из шести планет оранжевого карлика две – вторая и третья – оказались пригодными для колонизации. Вторая стала форпостом для дальнейшей эмиссии человечества в Галактику. Разрабатывались методики очистки планет, населенных местной жизнью – редко встречающейся и, как правило, вполне примитивной. Отныне человечество получило возможность бесконтрольно увеличивать свою численность...

В 2903 году началась Всеобщая Война.

Надо ли описывать ужасы происходившего? Достаточно напомнить, что по окончании Войны была забыта письменность. Воюющие стороны умерщвляли друг друга ядерным,

уродовали генетическим и трясли геофизическим оружием. В междоусобную бойню было вовлечено и население ближайших звездных систем. Как ни удивительно, победитель во Всеобщей Войне был, но выигравшая сторона позавидовала проигравшей... О периоде до 3300 года нельзя сказать ничего определенного: археологические находки из тех слоев наводят на мысль об очень странном и неудобопонятном социуме.

Жизнь – теплилась.

В 3658 году человечество вновь изобрело туннельную камеру, а десятилетием позже сумело по уцелевшим чертежам восстановить примитивный туннельный звездолет. Путь в Галактику вновь был открыт. К 4000 году довоенный уровень развития цивилизации был неизмеримо превзойден как с количественной, так и с качественной стороны...

Но все это – к слову.

Пролог 2

Никогда еще со времени постройки туннельного корабля «Белая Звезда» на сирингийской верфи в его рубке не наблюдалось подобного столпотворения.

– Поймали, наконец?..

– Да, вот он. Веду вручную... Эх, потерял... Очень слабый контакт, эта штука почти ничего не отражает... Ага, снова поймал, вот он! Выходит из-за кольца... маневр, так... сближение... Цель захвачена. Через шесть с половиной минут выходим на дистанцию уверенного поражения.

Капитан потер виски. Шесть с половиной минут для принятия решения – бездна времени.

– Послушайте, э... как вас... да-да, я помню... Вы уверены, что объект является искусственным?

– Достоверность семь девяток, капитан. Чудес не бывает. Эта штукавина заведомо искусственная и режет нам курс. Прикажете объявить боевую тревогу?

– Нет, пока только готовность номер два. Продолжаем выполнение программы, курса не меняем. Черт знает что! – пожаловался капитан первому помощнику. – Исторический момент, первая экспедиция очистки, десять лет подготовки на Сиринге плюс перспективная планета, да что там, просто прекрасная планета! – и на тебе: на первом же витке того и гляди получим по носу неизвестно от кого. Обидно, черт...

– Просмотрели цивилизацию, капитан?

– Вряд ли. Какая тут может быть цивилизация – лес один... И потом, не я же выбирал для очистки именно эту планету. Уж поверьте мне, в Архиве нет никаких упоминаний ни о чистке, ни даже о беглой разведке этой системы кем бы то ни было, кроме нас.

– Довоенные информмассивы частично утрачены, капитан. Да и послевоенные...

– Будет вам, коллега, сам знаю. – Капитан помолчал, кусая губы. – И очень хорошо знаю, что такое заявочный буй.

– Вы полагаете, это земляне, капитан?

– Обязан предполагать худшее. С землянами нам не тягаться. Кстати сказать, у них довольно своеобразные заявочные буи... На локаторе!

– Есть, капитан. Десантная капсула только что отошла. Объект меняет курс и резко увеличил скорость. Две минуты десять секунд до выхода на дистанцию...

Лицо первого помощника быстро каменело. Только дергался кадык, выдавая страх. Неожиданный рев капитана заставил резонировать переборки.

– Прекратить выполнение программы! Боевая тревога! Огонь на поражение! Курс отхода мне, живо! Уходим! Ухо...

Эти команды стали последним, что слышали люди на борту туннельного корабля «Белая Звезда», потому что раскаленный газ не способен отдавать команды, а умеет лишь расширяться в пустоте. На один короткий миг «Белая Звезда» в самом деле стала ослепительной белой звездой, затем расползлась по черноте корявым осьминогом, бесстыдно раскинувшим толстые светящиеся щупальца. Затем свечение угасло.

В малой десантной капсуле двое десантников лежали тесно, бок о бок, как два соседних снаряда в кассете, а для третьего, если бы и сыскался доброволец, места не нашлось бы, да и не надо. Уважающий себя десантник не станет гордиться заурядным заданием. Всей работы – слетать на спокойную с виду планету, осмотреться, взять пробы. Положа руку на сердце, автоматы справились бы ничуть не хуже. Еще повезло, что капитан вошел в поло-

жение, позволив десантникам набрать немного вне-часов для аттестации, – мог бы и не позволить...

До того, как прошла команда на расстыковку, старший из двух десантников, чье имя не имеет для нас никакого значения, попросту спал, откинув голову в фиксаторы, и пробудился, ощутив легкий толчок, а вслед за ним – невесомость, маскируемую привязными ремнями. Младший, чье имя не должно нас пока интересовать, настолько успешно изображал, будто ничуть не нервничает, что в самом деле успокоился и даже начал позевывать. Капсула сядет точнехонько по наводке с «Белой Звезды», аналогично и взлетит после того, как десантники немного потопчутся по планете. Рутинная – она рутинная и есть.

Удар оказался настолько сильным, что оба отключились на несколько секунд. Капсулу встряхнуло, опрокинуло и закрутило волчком. Потом началась работа – рутинная, но стремительная.

Для хорошо подготовленного профессионала рутинной является абсолютно всё. Когда безумное вращение капсулы удалось остановить, среди жалобного писка приборов прозвучало и записалось неизвестно для кого лишь несколько вопросов и ответов:

– Чужой корабль?

– Вряд ли. Больше похоже на сторожевой спутник. Одного не понимаю: почему мы еще живы? – Старший посопел, пытаясь оживить навигационный комплект. – Ага... хоть это работает... Между прочим, маршевый двигатель сдох. Скорее всего нас приняли просто-напросто за крупный обломок, что и неудивительно.

– А наши ему тоже врезали, – заметил младший. – Ты заметил?

Старший только махнул рукой – возился с расчетами.

– Витка два сделаем, – сказал он наконец. – Потом будем падать. Не сторим – значит, разобьемся.

– Что-нибудь можно предпринять?

– Постараться упасть в океан. Тогда, может быть, утонем.

– Шуточки у тебя...

Потом они почти не разговаривали. О чем?... Для тех, кому осталось жить навряд ли больше двух часов, минуты летят чересчур быстро. И им нужно было успеть сделать очень многое... Или хотя бы попытаться успеть.

Океан не любит падающих в него с неба. Он встречает их очень жестко.

Казалось, капсула не вынырнет никогда. Но вот она едва заметно закачалась на зыби, и младший, порядком повозившись, сумел отвалить изуродованный люк. Он вытащил тело старшего, сразу поняв, что ему предстоит сделать, и все-таки долго пытался оказать уже ненужную помощь. Затем тело соскользнуло в океан, увлекая за собой обрывок лопнувшего привязного ремня и, медленно кружась, исчезло в глубине.

Небо здесь было синее, как на Сиринге, а море под капсулой сине-зеленое. Младший подождал с минуту, пока неяркая вспышка в сине-зеленом не подтвердила: тело старшего перестало существовать. Шипящий рой мелких пузырьков поднялся из глубины.

Так хоронили десантников, так их хоронят. Ближайшим родственникам на Сиринге будет вручен личный жетон, снятый с груди погибшего. Если будет...

Что может быть банальнее одиночки, застрявшего посреди океана? Младший мельком подумал, что глупо умереть способом, описанным тысячу раз, и почему-то именно эта мысль вцепилась в него намертво и не отпускала. «Глупо, – бормотал он, то и дело вглядываясь в горизонт изъеденными солью глазами. – Глупо».

На второй день он попробовал опреснять воду. На четвертый попытался пить соленую, и его выворотило. На шестой он привык и пил не морщась.

Утром седьмого дня он прикончил НЗ и проклял старшего, ошибшегося в расчетах. И в тот же день различил вдали полоску суши.

Еще два долгих дня и две ночи человек пытался помочь ветру и течению прибить капсулу к материку, пока та не села на рифовую отмель. Отсюда до густо поросшего лесом берега можно было рискнуть добраться вплавь.

Какие-то крупные тени двигались под ним на глубине, пугая. Уже невдалеке от полосы прибоя под самой поверхностью воды совсем рядом пронеслось нечто непомерно большое, швырнув в лицо гребень поднятой волны.

Он выполз на берег и долго отдыхал, лежа на песке. Чей-то длинный язык высунулся у края отмели, обернулся вокруг капсулы, и титановый шар исчез. Человек отметил это вполне равнодушно. Потом вошел в лес, еще не решив, нужно ли ему продолжать бороться за жизнь до последнего, согласно уставу десантной службы, или не стоит продлевать мучения еще на несколько дней.

Когда-нибудь я расскажу вам о том, что с ним случилось дальше. Или расскажет он сам, я не против. Главное, всё это тоже – к слову.

Прошло пятьдесят лет...

Часть первая Встань и иди

Глава 1

*Лучший способ утолить жажду – утопиться.
Приписывается Умнейшему*

«Лидер-корвет «Основа Основ» – коммодору Ульвди-Улану. Внимание, ваше превосходительство. До встречи с метеорным роем осталось пять секунд ровно. Мы запаздываем с маневром».

«Коммодор Ульв-ди-Улан – лидер-корвету «Основа Основ». Не паникуйте, коллега. Я полностью информирован обо всем происходящем».

«Простите, ваше превосходительство, если я вмешиваюсь не в свое...»

«Вмешиваетесь».

«Еще раз простите, ваше превосходительство».

«Ничего, вы мне не мешаете. И перестаньте называть меня превосходительством, надоело. Кстати, все пристегнулись?»

«Точно так, все, коммодор, даже Й-Фрон. Он-то в первую очередь. У ограничено ценных свое представление о собственной годности».

«Не иронизируйте, коллега. Будьте скромнее».

«Слушаюсь. Дозволено ли мне будет спросить, по какой причине отключен мой автопрокладчик курса?»

«Дозволено».

«?»

«Не понял вопроса, повторите».

«? коммодор».

«Теперь понял. Как вам хорошо известно, наш курс проложен таким образом, чтобы вывести корабль на круговую меридиональную орбиту для выполнения основной задачи и при этом избежать контакта как с главным кольцом планеты, так и с отдельными метеорными роями. Вы же сами и выбрали курс – эстетически совершенный, не спору. Особенно хорош этот нырок под кольцо. Однако при прокладке курса не были учтены некоторые обстоятельства... Вы слушаете меня, коллега?»

«Так точно, коммодор. Слушаю».

«Не ощущаю вины в вашем голосе».

«Так точно, коммодор. Слушаю».

«Это уже лучше».

«Прошу прощения, коммодор, но точная степень моей вины мне неизвестна».

«Хромосферная вспышка, коллега. Вы ее отметили, но переоценили инерционность атмосферы. Под действием вспышки атмосфера начнет раздуваться раньше, чем вы предполагали, она уже сейчас раздувается. Вместо того чтобы отскочить рикошетом от плотных слоев, погасив при этом излишек скорости, мы просто-напросто изжаримся. Добавить вам блоков, чтобы вы убедились?»

«С удовольствием, коммодор. Я признателен».

«Включаю... Просчитали?»

«Точно так. Позвольте доложить, коммодор: у вас ошибка».

«Ты сам ошибка. Ну, что там у меня?»

«Разрушение корпуса лидер-корвета начнется раньше, чем температура в помещениях превысит максимально допустимую...»

«Болтун, чтоб тебя! Говори по существу».

«Простите, коммодор, но это мой корпус... Я заинтересованное лицо. Признаю свою бездарность. Смирренно прошу разрешения на введение в действие автопрокладчика курса».

«Отказываю».

«Прошу коммодора привести основания для отказа».

«Основание: сравнение землянина в ранге полноценного человека и механизма твоего класса. Я справляюсь с математическими задачами быстрее тебя».

«Позвольте уточнить, коммодор. Не со всякими».

«Верно, не со всякими. Но с этой – быстрее. Утихни. Я только что просчитал твои возможности по этой задаче».

«Заранее согласен с вашей оценкой, коммодор».

«Не успеешь к маневру».

«Вам виднее. Однако позволю себе обратить ваше внимание на то обстоятельство, что на новом курсе мы, по-видимому, наткнемся на метеорный рой».

«Зацепим по касательной. Если, конечно, не хотим свалиться на эту планету. Боишься?»

«Как вам сказать, коммодор. Пожалуй, да».

«Поищи в своих блоках какую-нибудь древнюю молитву. Говорят, помогает».

«Мгновение, коммодор. Нашел. Застольная подойдет?»

«Подойдет. Займи ею себя и экипаж, если хочешь».

«Слушаюсь. Включаюсь в общую связь... Господи, Отче наш, иже еси на альфе Си... прошу прощения, тут центаврийский диалект, даю перевод... да будет вкусно нам мясо... тут непереводаемо, чье мясо... под знаменем Косого Креста, да упокоится в нас рыба... опять непереводаемо... из глубин бездонных и всякая тварь, какой Ты нас одариваешь, да не причинят ущерба никакой Твоей мыслящей твари ни отходы наши низменные, ни тюрбик, в Пространство выброшенный...»

«Э! Э! Ты что? Я тебя просил читать это мне? Просил, я тебя спрашиваю?!»

«Никак нет, коммодор. Виноват».

«Превосходительство. Мне надоела твоя фамильярность».

«Так точно, ваше превосходительство. Виноват».

«То-то же».

«Осмелюсь доложить, ваше превосходительство. До встречи с метеорным роем осталось ровно четыре секунды. Позвольте оповестить экипаж?»

«Суетишься. Оповестишь через полторы секунды, за секунду до начала маневра. Глухаря Й-Фрона – персональным акустическим сигналом, без этих твоих шуточек с микроразрядником. Ты меня понял?»

«Так точно, ваше превосходительство».

«Вольно, рядовой. Разрешаю растегнуть ремень и облокотиться на соседа. Ха-ха. Это шутка. Почему не смеешься?»

«Смеюсь, ваше превосходительство. Ох-ха-ха-а-а!... Ха-кха-ха-а-а... хрр! Прикажете продолжать, ваше превосходительство?»

«Хватит, бестолочь».

Когда прозвучал сигнал оповещения, Й-Фрон находился там, где его застала команда пристегнуться, – в рабочем отсеке Нбонга-2А-Мбонга, поместившись в свободном кресле. Особых перегрузок не предвиделось, гравиполе внутри лидер-корвета держалось стабильно,

но в связи с предполагающимися маневрами корабля можно было ожидать некомпенсированных толчков и тряски, о чем корабль и сообщил Й-Фрону, насмешливо присовокупив, что из одного его знакомого с ограниченной ценностью, если только он не сообразит пристегнуться получше, тряска выпустит наружу всю его никчемную душу, против чего он, лидер-корвет «Основа Основ», нисколько не возражал бы. Пререкаться Фрон не стал – в его положении пререкаться не было резона, – он просто-напросто прикрепил себя к креслу и стал отсчитывать мгновения до маневра. Могучая туша Нбонг-2А-Мбонга, главного чистильщика, занимала половину отсека. Нбонгу не было нужды сломя голову кидаться в противоперегрузочное кресло – он находился в нем постоянно. Фрон не раз размышлял о том, был ли Нбонг способен покинуть это специальное, вшестеро шире и массивней обычного кресло, если бы возникла такая необходимость, и приходил к выводу, что вряд ли. Даже если Нбонг-2А-Мбонг сумел бы встать, что само по себе казалось невероятным, он ни за что не смог бы без помощи корабля выйти из отсека. Ограниченно ценные из наземных вспомогательных служб поговаривали, что при постройке «Основы Основ» этот отсек создавался специально вокруг Нбонга, после чего вместе с ним был вживлен в надлежащее ему место корабля, но прямо спросить об этом Нбонга было немыслимо, и Фрон не знал, верить ли трепу. Одно было бесспорно: Нбонг-2А-Мбонг безвылазно находился в своем тесном отсеке, жил здесь и работал, ел и извергал, по-видимому совершенно не страдая от заточения в четырех стенах. Понятие клаустрофобии было ему неведомо.

Собственно, их было двое – два универсальных специалиста I класса, прекрасно дополнявших друг друга, два чистильщика планет, два сиамиских близнеца, один из которых рос и развивался внутри другого, и двойка в полученном при аттестации имени подчеркивала именно это обстоятельство. Для Нбонга существовал отсек и мир вовне, воспринимаемый через телепатемы корабля и экипажа. Для Мбонга, скромным комочком скорчившегося в громадном чреве своего брата, внешний мир выглядел несколько усложненной абстракцией, иногда наблюдаемой чужим зрением и не очень привлекательной на вид. Он не стремился наружу. Ради забавы Мбонг даже научился разговаривать губами брата – ему нравилось проявлять самостоятельность, не покидая отведенного ему природой и судьбой места. В свое время он отказался от операции по разделению, и брат не настаивал.

Если бы Нбонг спал, а Мбонг, напротив, бодрствовал, Й-Фрон рискнул бы задать вопрос с надеждой получить ответ – слывя на весь космофлот отчаянным либералом, Мбонг иногда снисходил до разговоров с ограниченно ценным подсобным рабочим, вдобавок раздражающе глухим к телепатемам. Только лишь спросить, куда на этот раз летим и зачем... и пусть бы корабль мешал разговору, по обыкновению вставляя ядовитые реплики, пусть бы недовольно побулькивал Хтиан из своего бассейна, пусть бы наконец коммодор прервал беседу кратким приказанием... пусть... Но Мбонг спал, и до его пробуждения оставалось четырнадцать часов с лишним. Мбонг спал по двадцать часов в сутки.

Сейчас Нбонг был недоволен: какого черта этот глухарь торчит в его персональном отсеке? Корабль, должно быть совершенно с ним согласный, принял его мысли как руководство к действию. Й-Фрон не ушибся – он был настороже и не удивился внезапному исчезновению кресла. Острое чувство обиды, вспыхнувшее было в нем, развеялось так же быстро, как появилось. Какой смысл обижаться? Ограниченно ценный Й-Фрон лежал на полу отсека и ждал. Ничего другого ему не оставалось. Телепатический окрик коммодора возымел свое действие: за четверть секунды до начала маневра корабль вновь вырастил кресло – жесткое и неудобное, но с этим можно было мириться.

Само собой, он не успел. И, уж конечно, корабль опять не был виноват в его медлительности, так что жаловаться коммодору вряд ли имело смысл. Пол выскользнул из-под подошв, Й-Фрона грохнуло о стену так, что он света неувидел, затем толкнуло в другую сторону, сбilo с ног, размазало по полу и навалило сверху свинцовых кирпичей, затем под-

бросило вверх, и тут наконец кресло поймало его в объятия. К счастью, обошлось без сюрпризов, кресло было как кресло. Без шипов. Он даже успел отдышаться, прежде чем корабль опять начало крутить и швырять. Похоже, лидер-корвет был занят чем-то достаточно важным, чтобы отвлекаться на такую мелочь, как Й-Фрон.

Можно было отдохнуть.

Фрон закрыл глаза. Он любил такие моменты и ценил их по достоинству. Его работа начнется немного позже, когда «Основа Основ» выйдет на стабильную орбиту. Кому-то, как всегда, надо выполнять черную работу – ему или Дин-Джонгу – скорее всего все-таки ему, и он соглашался в душе, что это правильно, – но не прямо сейчас, а позже... какое это чудесное слово – ПОЗЖЕ! Как только корабль покончит с маневрами, можно будет расслабиться, разнежиться в жестком кресле, лелея робкую надежду, что о нем на время забыли, и, пока о нем вновь не вспомнят, наслаждаться тишиной и покоем.

Быть может, по завершении работы ему позволят выспаться.

Быть может.

Конечно, при условии, что работа будет образцовой.

Он будет стараться.

Его превосходительство коммодор Ульв-ди-Улан, глава экспедиции очистки и сменный Первый командир лидер-корвета «Основа Основ», имел необычайно маленькую голову. Холмы и долины игрушечного личика рвались вперед атакующим клином – за исключением подбородка, увязшего в шее, – вялые уши были сдвинуты к вискам, а впереди скул и носа в авангарде атаки выступали глаза – два неподвижных ртутно-блестящих полушария, словно бы выпертых наружу чудовищным давлением, когда игра наследственных генов стиснула череп коммодора, выдавив из него содержимое. Количества мозгового вещества в черепной коробке Ульв-ди-Улана не хватило бы даже для собаки. И тем не менее коммодор Ульв-ди-Улан считался – и заслуженно! – одним из наиболее надежных работников Дальнего Внеземелья, имея прекрасный аттестат и незапятнанный послужной список. Еще он имел каску особой конструкции, располагавшуюся на затылке сразу за капитанской фуражкой; индивидуальный полетный кодекс, написанный для него после всестороннего обследования, когда он был еще желторотым юнцом, специальным параграфом категорически исключал возможность снять каску даже в душе. Как всегда, кодекс подчеркивал очевидное, очень напоминая инструкцию о прямохождении: утвердите себя прямо и совершайте ряд последовательных падений, предупреждаемых выставлением попеременно левой и правой ноги... И без всякого кодекса Ульв-ди-Улан ни за какие блага не пожелал бы расстаться с каской даже на секунду: каска мягко поддерживала и оберегала кожистый мешок на затылке коммодора, заключающий в себе существенную часть полушарий головного мозга. И какого мозга! Владея способностью не впадать по пустякам в ненужную гордыню, Ульв-ди-Улан знал, что умеет решать навигационные задачи лучше и быстрее самого совершенного земного корабля.

Это был его конек. Сменный Первый командир лидер-корвета «Основа Основ» – сменный лишь по названию, а не по факту, ибо в хорошо подобранном экипаже трудно сыскать негодяя, желающего оспаривать командование у того, кто более всего достоин этой роли, – коммодор Ульв-ди-Улан относился к высшей подгруппе класса полноценных граждан и воспринимал это обстоятельство со спокойным достоинством, приличествующим его положению. В каждом настоящем командире годы работы во Внеземелье развивают привычку не пресекать без нужды инициативу подчиненных, проявляя твердость лишь в безусловно необходимых случаях. Ульв-ди-Улан вовремя прикрикнул на корабль, по обыкновению не удержавшийся от издевки над ограниченно ценным. Во-первых, пусть не отвлекается

во время маневра. Во-вторых, ограниченно ценный – еще не значит вовсе бесполезный. У хорошего командира ничего не пропадает зря.

«Уловил мысль, бездельник?»

«Точно так, ваше превосходительство. Уловил. Ой...»

«Попадание?»

«Точно так...»

«Не паникуй. Иди ровнее».

«Ой...»

Несмотря на все старания корабля погасить перегрузки, коммодора трясло и швыряло, и каска на затылке была как нельзя более кстати. Корабль рыскал из стороны в сторону, суматошно виляя на периферии метеорного роя. Получал по корпусу, огрызаясь огнем. Чаще всего на месте пробоины вырастал «глаз» – локатор дальнего обнаружения, реже – полушаровидная орудийная башня, а случалось – то и другое сразу. Лидер-корвет защищался.

Метеорный рой кончился. Впечатляющее кольцо планеты меркло и кривлялось в плазменном облаке, окутавшем корабль при рикошете от атмосферы. Корабль выл и рвался вверх. С коротким чмокающим звуком отсосало одну из бортовых башен. Лидер-корвет екнул реактором. Края раны моментально схлопнулись. Теперь на этом месте вырастет двойной или тройной слой брони, не иначе.

«Трус, – подумал Ульв-ди-Улан. – Боится боли».

Корабль вздрогнул.

«Позволю себе заметить, ваше превосходительство...»

«Помолчи. И перестань читать частные мысли. Что передает сторожевой спутник?»

«Старые справочные данные по планете, ваше превосходительство. Позвольте доложить экстрактно?»

«Да, напомни».

«Пять шестых поверхности – океан, глубины до пяти километров. Один большой материк, острова. Следы тектонической деятельности незначительны. Сила тяжести на поверхности немного меньше земной, хотя сама планета больше. Магнитного поля нет. Климат ровный, атмосфера плотнее земной. Зафиксировано наличие растительного и животного мира. Планета кислородная, фотосинтез. Позволю обратить внимание вашего превосходительства на предполагаемое отсутствие в коре планеты значительных рудных месторождений. По-видимому, после наращивания активной оболочки планету целесообразнее использовать в качестве курорта».

«Без тебя разберемся. Продолжай».

«Прошу прощения, ваше превосходительство, это все. Спутник сообщает о неустраняемой неисправности – около полутора тысяч мегасекунд назад он пострадал при пресечении попытки вторжения неопознанного корабля в охраняемое пространство. В связи с чем приносит искренние извинения и желает нам всяческого успеха. Позвольте ободрить его от вашего имени?»

«Передай ему благодарность за службу. Этого достаточно?»

«Вполне, ваше превосходительство».

«Превосходительство, превосходительство... Надоело. Разрешаю быть менее официальным».

«Вполне достаточно, коммодор».

Планета медленно поворачивалась под «Основой Основ». Из-за края диска вставало солнце. Корабль шел от Северного полюса к Южному, пересекая линию терминатора. Все пятьдесят очистных бомб должны были лечь на пологую кривую, дважды наискось перечеркивающую материк – двадцать пять на этом витке и двадцать пять на следующем.

– Первый – вышел, – доложил Й-Фрон.

В выдвинутом к планете хоботе корабля, похожем на яйцеклад гигантского насекомого, неспешно продвинулись вперед бледные трехметровые шары. Второй, ставший теперь крайним в очереди, темнел на глазах – наращивал термоустойчивую оболочку.

Й-Фрон посторонился. Бледные шары пугали его. Пусть корабль также целиком состоит из активного вещества – к кораблю он привык. Кто знает, что на уме у этих шаров? Любой из них может поглотить ограниченно ценного, словно козьявку, если додумается начать наращивать активную массу чуть раньше, чем следует.

– Второй – вышел.

Снова произошло движение. Третий шар, подкатившись к выходу, начал темнеть.

– Третий – вышел... Слышите меня?

Удар током показал Й-Фрону, что слышат.

– Четвертый – вышел.

Внизу потянулись леса – бескрайнее зеленое море. Проплыла полоса невысоких гор. Хитро петляя, змеились реки. Лесные озера казались темными провалами в бархате зелени.

– Пятый – вышел.

Далеко позади корабля прочертилась огненная нить – Первый вошел в атмосферу.

– Шестой – вышел...

Седьмой угодил в океан – в этом месте планеты узкий фиорд глубоко вклинился в сушу. Окутанный паром шар рухнул в зеленые волны, вздыбив столб кипящей воды выше прибрежных скал. Он легко мог избежать падения в море – механизм его класса умел маневрировать в атмосфере как угодно, – но решил ускорить охлаждение оболочки.

Окалина трескалась – шар менял форму, приспособляясь. Седьмой уже не был шаром. Он стал торпедой – узкой, хищной, рысцущей. Его тело со скользящим шелестом раздвигало ленточные водоросли. Пупырчатые гроздья соплодий бесшумно лопались, выбрасывая в воду мутные облачка спор. Фиорд был набит жизнью. Плоские, как блин, рыбы стремились укрыться от Седьмого, панически бросаясь из-под носа во все стороны. Выстрел разнес одну из них. Вильнув, Седьмой подхватил останки.

Это была разведка с дальним прицелом. Седьмой анализировал, запоминал. Он еще не решил, как будет действовать, но уже понял, что посетил фиорд не зря. Много жизни. Очень много. Рецепторы захлебывались, не успевая бегло анализировать одну форму живой материи, как попадалась другая. Незнакомые бактерии, потенциально опасные для человека. Уничтожить. Черви, кишечнополостные, иглокожие, плеченогие – плавающие, ползающие, копающиеся в донных отложениях. Истребить. Одноклеточные эукариоты, жгутиковые, амeboобразные – возможные паразиты человека, источники поражения слизистой и кожного зуда. Пресечь. Вирусы, фаги. Смертельная угроза земным формам жизни, которые будут сюда завезены, – океан должен подвергнуться тотальной дезинфекции. Не теперь, потом, через стандартный год или около того, когда будет покончено с материком. Чересчур низкая соленость воды – придется менять русла рек, увеличивать смыв солей с суши.

Крупные хищники!.. Навстречу Седьмому быстро двигалось что-то огромное, раздвигая воду тупым рылом. Колоссальное китообразное пресмыкающееся ревизовало акваторию. Хозяин фиорда явился посмотреть на безумного чужака, вторгнувшегося в его владения.

Атака последовала сразу. Седьмой не воспротивился. Огромная беззубая пасть сомкнулась вокруг него, толстый язык толкал его вглубь, глоточные выросты кита терли и мяли добычу, пытаясь размолоть невиданное существо. Внутри животного кишела жизнь простейших – целые полчища бактерий, неспособных к жизни в океане, нашли себе здесь удобный приют. Убрать.

Снова став шаром, но уже пустотелым, Седьмой раздувался до тех пор, пока кит не лопнул. Шар выбросило на поверхность воды, он заплясал на волнах. Глубоко под ним напуганные пучеглазые рыбы осторожно приближались к разорванной туше хозяина фиорда, но фиорд больше не интересовал Седьмого.

Пора было приступить к работе.

Преобразовав себя во вращающийся плоский диск, Седьмой взмыл над водой и направился к берегу.

– Двенадцатый – вышел...

– Тринадцатый – вышел...

Первый падал на северную околополярную область материка. Когда трение об атмосферу стало причинять ему неудобство, он распался на сотню фрагментов, быстро погасил скорость в плотных слоях и задолго до приземления вновь собрал себя в единое целое.

Планета не имела полярных шапок. Первого окружала тундровая пустыня без намека на ледниковый щит; лишь местами в низинах лежал подтаявший снег. Зелень хозяйничала и здесь – затягивала валуны пленкой, покрывала снежные пятна колониями простейших водорослей. Животный мир на почве отсутствовал, зато высоко в небе кружилось несколько созданий, отдаленно похожих на ископаемых земных птиц. Ими можно заняться потом.

Для пробы Первый прошел низко над землей, направив энергию излучателя сквозь веерный растр. Затем исследовал выжженную черную полосу и пришел к выводу, что пробная очистка почвы удалась.

Тем лучше. Надолго он здесь не задержится – мало жизни, мало и работы. Выполнив ее, он перейдет на участок Второго и поможет ему завершить очистку. Затем оба они перейдут на участок Третьего...

Й-Фрон стучал зубами в напыленном скафандре. Мертво блестя, над головой плыло кольцо планеты, сузившееся на экваторе в ослепительную иглу. После двадцать пятой бомбы до следующего витка можно будет погреться внутри «Основы Основ»... если только корабль его впустит. Эта мысль, молнией промелькнувшая в голове Й-Фрона, напугала его. Корабль, без сомнения, прочел его мысли, а значит, так и сделает, если не придумает чего похуже...

– Двадцатый второй – вышел...

Облачный фронт закрыл поверхность планеты. В южном полушарии лил дождь – падал стеной, висел мелкой пылью, бил крупными каплями по лицу, по раскрытым в изумлении глазам, но не причинял боли, это был добрый, созданный для человека дождь, и, наверно, его можно было пить, задрав голову...

Далеко позади корабля на экватор падал Тринадцатый.

«Почему замолчал? Держи меня в курсе».

«Прошу прощения, коммодор».

«Как проходит посев? Мне отсюда ничего не видно».

«Передаю изображение, коммодор. Транслирую также Нбонг-2А-Мбонгу. Идут как надо. У вас не возникает желания проконтролировать их работу, коммодор?»

«Да. Со временем».

«Вам стоит только приказать, коммодор. Каждый автоном-очиститель способен перестроить себя в туннельную камеру».

«Нет, не будем их отвлекать. Пусть работают. Когда понадобится, спустим кого-нибудь на поверхность без туннельной камеры».

«Я знаю кого, коммодор».

Девятый вонзился в землю дымящимся шаром. Рощица вокруг него вспыхнула и сгорела подозрительно быстро. Анализ атмосферного воздуха показал двадцать пять процентов свободного кислорода. Много. Избыток кислорода следует связать. Землянин должен жить при семнадцати процентах кислорода и трех процентах углекислого газа.

За себя Девятый не боялся. Он не сгорел бы и при стопроцентнокислородной атмосфере, а температура в эпицентре пожара была слишком мала, чтобы расплавить защитную оболочку. Смехотворно мала.

Пышный влажный лес перемежался полянами, зарослями непролазного кустарника, кое-где из подлеска торчали невысокие скалы-надолбы, густо поросшие мхом. Их облюбовали крикливые птицы. Ветвистые многошляпочные грибы прятались в тени деревьев, некоторые забрались в дупла. Воздух над лесом дрожал от утренних испарений.

Два двуногих существа среднего размера сопровождали гигантское третье, выглядывшее сонно и флегматично, но опасное уже своей величиной. Девятый опробовал средства очистки, уже отчетливо представляя себе объем будущей работы. Субтропическая область. Чужая жизнь, много чужой жизни. Это неприятность, но преодолимая.

Он испепелил птицу. Тщательно препарировал медлительное существо, похожее на гигантского слизняка. Нашел гриб и исследовал его. Изгрыз дерево. Микроорганизмов в стволе, листьях и корнях обнаружилось немного, и вряд ли они могли представлять реальную опасность для человека, но это было несущественно. Все равно почву и воздух этой планеты придется стерилизовать по высшему классу очистки. Деревья сохранить не удастся.

Тормозя в атмосфере, он потерял часть массы. Неважно: еще до входа в плотные слои Девятый обнаружил на своем участке крохотную, но достаточную аномалию и сманивировал так, чтобы сесть рядом. Нарастить активную массу – дело нескольких минут, если рудное месторождение под боком, или нескольких часов, если руды нет. Вот здесь, под этой скалой, к самой поверхности выходит жилка.

...Скала словно взорвалась изнутри. С протяжным гулом рухнуло сбитое отскочившим валуном дерево. Посыпались листья. Визжащий осколок с силой ударил в Девятого, скрикетировал и ушел низко над лесом.

Глава 2

*Вот дом, который построил Леон.
А это окно, большое окно,
Которое в спальне помещено
В доме, который построил Леон.*
*(Сага о Великом Пересмотре, песнь I, издание 71-е, адаптированное
для детей; 1-я Государственная машинная типография.)*

Звон разбитого стекла не принадлежит к числу особенно приятных звуков, в особенности если стекло разбито не где-нибудь, а в твоём собственном доме, разбито вдребезги, и вдобавок если это стекло в окне спальни – самое большое и лучшее оконное стекло во всей деревне, редкое стекло необыкновенной прозрачности, ещё при жизни деда доставленное с небывалыми предосторожностями аж из самого Города. Леон уже не спал, он лежал на спине, заложив руки за голову, смотрел в желтоватый потолок, тщетно ища, за что зацепиться взглядом, слушал, как рядом самозабвенно и страстно храпит Хлоя, неприятно ощущал её горячий, как лежанка на солнцепеке, бок и предавался унынию и запретным мыслям. Привычка просыпаться с первым лучом солнца разбудила его и сегодня, как будила всегда, но именно сегодня вставать не хотелось совершенно, вообще ничего не хотелось, даже лежать было тяжко, и уж подавно не хотелось терпеть храп, но вставать не хотелось тем более. Лесные бабочки уже пропели утреннюю песню, близнецы-пасынки, конечно, давно проснулись и удрали куда-то, а вот Хлоя всегда любила поспать, хотя простой здравый смысл, не говоря уже об обычаях, предписывал жене охотника приготовить мужу ранний завтрак, не задаваясь вопросом, собирается ли охотник сегодня в лес или нет.

Удружил братец, с тоской подумал Леон. Он скосил глаза: резкий, как вырубленный, солнечный луч – утро-то какое! – переместился из дальнего угла, где обычно самозарождался на рассвете, на дощатую перегородку и теперь медленно подползал к дверной ручке. «Когда доберется до двери, я встану», – решил Леон, и в ту же минуту в окно влетел камень.

Когда великолепное оконное стекло ни за что ни про что со звоном рассыпалось, окатив постель осколками, а проклятый булыжник, просвистев в полуметре от лица Леона, с глухим треском ударился в перегородку и в ней застрял, Леон сначала не поверил. Он даже не удивился. Такой подлости от стекла он не ожидал. Потом он понял, что не ожидал этой подлости от кого-то другого, а поняв, и поверил, и удивился, и осатанел – всё сразу. Он выглянул в разбитое окно – естественно, возле дома царили мир и благодать при полном отсутствии посторонних. До самого Трескучего леса не было видно ни одной живой души. Хлоя уже сидела на постели, прижимая к большой груди пухлую руку с кровоточащей пустяковой царапиной, и визжала. Проснуться она ещё не успела, а храп уже плавно перетек в визг, и надо было надеяться, что теперь-то она уж точно проснется. «Цыц, дура!» – рявкнул Леон, откидывая одеяло, – осколки со звоном ссыпались на пол. «Вот я мерзавцев... – бормотал он, перелезая через Хлою и с лихорадочной поспешностью натягивая одежду. – Ах вы... Это ж, драконий хвост, надо такое удумать, а? Да что ж это, управы на них нет...»

Хлоя перестала визжать и принялась оглядываться. Голова у неё поворачивалась медленно, словно у лесного дракона, и мощные шейные складки с потным скрипом терли друг дружку.

– Камень, – пророкотала она низким басом, указав на перегородку. – О, и стекло...

Леон взорвался.

– Да! – заорал он. – И стекло! Разглядела! И стекло тоже! А все ты со своими охломонами!.. Сколько раз говорил: не носы им утирать – учить их надо, бездельников, учить, чтоб их... Людьми делать!

Половицы жалобно пискнули – Хлоя соскочила с постели и опрометью кинулась к распылке. Надев сари, – ссориться с мужем голой было тактически невыгодно, – она уперла в бока сжатые кулаки.

Контратака была сокрушительной. Леон немедленно пожалел, что связался. Как обычно, он не узнал о себе ничего нового, но сразу же понял, что проиграл. Конечно, драконий хвост, он был неудачник и лежебока, это во-первых; дрянной муж, только и знающий засматриваться на девок и не дающий законной жене законного удовлетворения, это во-вторых; притом не мужик, а тряпка, и не охотник, а барахло, дрянной добытчик, дрянной шептун и к тому же дрянной отец, совершенно не способный заменить двум чудесным мальчикам законного родителя, который был человек со всех сторон положительный, не в пример Леону, это в-третьих, в-четвертых и в-пятых; даже странно, как могут два таких разных человека быть родными братьями, не верится в это... да ты нос свой не вороти, я тебе еще не все сказала, а мальчиков моих, дрянь такая, только тронь...

Леон тупо посмотрел на кулаки жены, затонувшие в боках, выскочил из спальни и припер дверь снаружи. Крику это действие не убавило, но теперь он стал немножко глуше и можно было осмотреться и поразмыслить, что к чему. Близнецов в доме, естественно, не было. Леон раздраженно зашагал из угла в угол, от очага к ткацкому станку и обратно. Мысли путались и мешали друг другу – чепуха, а не мысли, ни одной дельной... Близнецы? Да, это проблема. Совсем от рук отбились... Пороть их, что ли? Доигрались-таки с прашой, говорил же им – идите, мол, в лес и пуляйте в слизнивцев в свое удовольствие, так нет... Вчера в постель Хранительнице напустили вонючих ящериц, сегодня в родном доме стекло разбили, а что завтра вытворят? Все-таки придется пороть, делать нечего. «Тогда уж заодно и Хлою, – прыгнула в голову сумасшедшая мысль, от чего он сразу вспотел, – надо же наконец решиться...»

Он вдруг замер как вкопанный: над ткацким станком, в котором сотканная ленивой Хлоей полоса пестряди шириной в палец за последнюю неделю не прибавилась и на ноготь, на сучке, торчащем из стены, висела праша. Леон снял ее, подержал в руках и снова повесил на место. Да, та самая... Значит, не близнецы, ведь нет же у них еще одной прашы... А если не близнецы, то кто?

Из спальни с прежним напором продолжала кричать Хлоя, изливая на мужа презрение, но преследовать Леона посчитала ниже своего достоинства, в дверь не ломилась и, судя по тональности крика, еще не обнаружила, что заперта. Леон хихикнул, представив, как Хлоя будет выбираться наружу через окно, и выскочил из дома. Ночью прошел дождь. Протарахтев по ступенькам, Леон поскользнулся на глине, пошел юзом и, чертыхнувшись, подумал, что дождь был кстати: следы того, кто метнул камень, должны отпечататься предельно отчетливо.

Он тщательно обследовал огород, примыкавший к дому со стороны спальни, затем расширил круг поисков и широким зигзагом пересек поляну за огородом. На влажной земле не нашлось отпечатков, трава также не была примята. Над опушкой леса кружились две птицы-свиньи – твари пуганые, но с короткой памятью. Роняя помет, метили территорию. Леон мог бы поклясться, что со вчерашнего вечера между домом и лесом не проходил ни один человек. На всякий случай он осмотрел край леса – раскрутить прашу можно было и из-за деревьев. Ничего... Пусто. Чутье охотника подсказывало ему в лесу то же самое, что видели глаза на поляне. Да что там, ни один из взрослых жителей деревни не опустится до того, чтобы причинить вред имуществу соседа и скрыться, в этом Леон был уверен. А если так, то КТО? Каким образом? И, главное, ЗАЧЕМ?

На ветке молодого свеклобаба, прилепившись снизу, висел слизнивец.

– Твоя работа? – спросил его Леон.

Слизнивец не торопясь перетек на ствол и скрылся в дупле. Ну ясно, близнецов здесь нет и не было. И вообще никто из деревенских мальчишек по опушке с утра не пробегал, а то слизниvcу не поздоровилось бы. У мальчишек извечная тяга, она же цель существования: удрать в лес, подбить там из пращи или духовой трубки какую-нибудь живность, хотя бы летучую змею, с торжеством приволочь ее в деревню и сварить, чтобы убедиться в полной ее несъедобности. Убивать без нужды куда проще, чем учиться на шептуна, а выглядит подобная охота в их глазах почему-то чуть ли не героически. «Впрочем, – философски подумал Леон, – кто в свое время не был охламоном? Все были».

На всякий случай он обошел дом стороной, ускоряя шаг, и правильно сделал – Хлоя как раз лезла в окно. В деревне было сонно. Без сомнения, охотники, кто хотел, с рассветом ушли в лес, прочее же взрослое население еще спало, набираясь сил перед вечерним праздником Созревания Тыкв с танцами и состязаниями. Где-то у околицы лаяла забытая на привязи собака. Узкая полоса Великого Нимба сильно потускнела, но была еще видна, особенно на западе. Солнце пригревало. Утренние мухи, почуяв запах человека, с громким паническим жужжанием улетали прочь. Хранительница Знаний мирно спала на лежанке с наветренной стороны дома, проветривала Хранилище после вонючих ящериц. Похрапывала. Сады были пусты. Куча малолеток того сорта, которого всегда бывает в избытке, трясла привитое брюквенное дерево, злонамеренно игнорируя растущие рядом дички. Зачем им понадобилась неспелая брюква, оставалось неясным. Послушать старших, так прежде дети были как дети... Чепуха, конечно. Прикрикнув на хулиганов, отчего те не слишком охотно пустились наутек, Леон проводил голопятую стайку долгим изучающим взглядом.

Может, эти?

Нет, вряд ли.

И тут он второй раз за день замер как вкопанный: навстречу ему шла Филиса, и опять, как вчера, деваться было некуда. Легонько, в рамках приличия, покачивая бедрами, она поравнялась с Леоном, кивнула ему с видом равнодушным и незаинтересованным, как чужому, но заметно помедлила, прежде чем свернуть в проулок, и видно было, что свернула нехотя. «Нарочно она, что ли, – смятенно подумал Леон. – Ищет встречи? Какое там!..» Он чувствовал, что виноват перед Филисой, им давно нужно было пожениться, они объяснились, и препятствий к свадьбе не было никаких, вся деревня в один голос соглашалась, что они прекрасная пара, оставалось лишь из уважения к старшим испросить согласия родителей Филисы на брак дочери, каковое согласие было бы, без сомнения, ими дано... Но когда ты юн и прыток, когда тебе всего двадцать два по счету Нимба и двадцать по местному, а невесте нет и пятнадцати, когда у тебя полно сил и еще больше дури, кому же захочется торопить события, связывая себя скороспелым браком? Разумно ли это? Разумно, сказал себе Леон. Это и было разумно, но не для того, у кого имелся женатый старший брат. Потому что нельзя тянуть время, не думая о том, что брат, даже отличающийся прекрасным здоровьем, может внезапно заболеть и умереть в один день. Потому что брат был женат на таком подарочке, как Хлоя...

Так в один день для Леона все кончилось. По обычаю отдав себя в мужья вдове брата и усыновив близнецов – Сильфа и Дафниса, Леон почувствовал, что потерял Филису навсегда. Он понимал, что, как бы Филиса его ни любила, второй женой к нему она не пойдет ни за что. Никогда. Как не согласится жить с ним тайно, довольствуясь ворованной любовью. Она могла бы стать ему только единственной женой, в самом крайнем случае – первой, если бы брат Леона умер после их свадьбы. Тогда уже не Филиса, а Хлоя стала бы второй женой, если бы захотела, и была бы вынуждена слушаться первую. Таким образом всякие отношения между Леоном и Филисой прекратились – они здоровались при встрече на улице, и только. Леон опоздал и знал, что виноват в этом был только он, и никто иной. Иногда ему хотелось завыть на Великий Нимб и все четыре луны сразу. С себя спроси!.. Сам виноват! Сам!!

Драконий хвост, но кто же окно-то разбил?

Трава на деревенской площади была вытоптана за много поколений до Леона. Здесь давно уже пророс и расстелился во всю площадь сонный лишайник, который топчи не топчи – не вытопчешь. Лишайник приятно обнимал ступни, он ласкал и успокаивал, по нему было очень приятно ходить, и сидеть на нем было приятно, вот только спать на нем было нельзя: заснувший на лишайнике не просыпался. То есть его можно было добудиться, стащив с лишайника, но сам собой он не просыпался никогда, и договориться с лишайником еще ни одному шептуну не удавалось. Леон с детства помнил жуткие истории, рассказанные матерью: в былые времена, когда люди были глупы и любили неживое, охотники, случалось, находили на полянах деревни, сплошь заросшие лишайником, находили и спящих людей, часто – всех жителей деревни. Иногда их удавалось разбудить, тогда на помощь умирающим от истощения приходило все население ближайших деревень, и людей, как правило, удавалось спасти, но бывало и так, что разбудить людей уже не удавалось, а если и удавалось, то слишком поздно...

На площади не спали. На ней принимали почетных гостей, собирали сходки и торжественные обеды по случаю особо удачной охоты, на ней устраивали праздники с танцами и состязаниями, школа тоже находилась на площади, и сейчас Парис вел занятие. Лысина лучшего шептуна деревни сияла, как хорошо начищенный горшок. Выставив вперед кругленький животик, Парис ходил взад и вперед и обращался к кучке учеников, сидевших на лишайнике и толкавших друг друга, чтобы ненароком не заснуть.

– Духовая трубка? – дребезжал он. – Чепуха! Праща? Еще скажите – лук со стрелами! Детские штучки! Я вам говорил тысячу раз: настоящему шептуну оружие ни к чему. Это я утверждал и всегда буду утверждать. Наша сила не в оружии, а в умении договориться со зверем так, чтобы он сам, добровольно и охотно пришел в деревню и надел себя на кол в кухонной яме. Умелому шептуну у нас и почет и уважение. Если охотник не шептун, он только озлобит дичь, а я вам скажу просто: такому обормоту делать в лесу нечего. Кто не шептун, тот пусть женщинам помогает, больше пользы будет. Ну что полезного, скажите мне, вы добудете в лесу духовой трубкой? Слизнивец? Летучую змею? Жуткобраза?.. Вот ты, встань! Леандр, я тебе говорю, а ты, Филет, зачем встал? Хотя ладно, раз уж стоишь, так ответь. Что? Ах, совиного страуса, надо же. Садись и слушай. Можешь мне поверить, ты и прицелиться-то в него не успеешь, потому что даже я, когда был помоложе...

По рядам учеников пробежал смешок. Всем в деревне было известно, что Парис всегда был отчаянно скверным стрелком.

– На западе, где озера, живут рыбоеды, – продолжал Парис. – Еще дальше есть деревня моллюсков, моллюсков они едят, там отмель большая, а в горах на востоке живут яйцееды, те птичьи яйца собирают. В нашей же местности живут драконоеды, тут во всех деревнях спокон веку ели драконов, и нам отступать от обычаев не должно. Перво-наперво не трогаем самок – у них ободок вокруг глаз не красный, а желтый, их легко отличить, а вот если гребень не топорщится и дух тяжелый, так это старая самка, потомства от нее не будет, и такую самку брать можно. Второе: сколько случаев было с ротозеями! Зашепчут кое-как зверя и ведут через Трескучий лес, а он как завалит сослепу дерево да как очнется... Опытный шептун еще до охоты намечает удобнейший путь к деревне, и это надо знать. Третье: к зверю нужно подходить всегда и только спереди, а не сзади и не сбоку, потому что дракон должен шептуна видеть, иначе он его не поймет, а если и поймет, то неправильно...

– Кха! – дал знать о себе Леон.

Увидев его, Парис обрадовался.

– Вот, – ликующе провозгласил он, указывая на Леона одной рукой, в то время как другой оглаживал клочковатую бороду, – смотрите! Леандр, тебя это особо касается... Филет,

ущипни его! Вот так. Вот перед вами взрослый охотник, не то что я, старик, а давайте спросим, много ли драконов добыл он за год? Все знают: только одного и довел до деревни, а от троих едва унес ноги, и всё потому, что ребенком ленился учиться ремеслу шептуна... Что, Леон, подучиться пришел? Это ты правильно надумал, учиться никогда не поздно, я тебя поучу... Нет? Ну ясно, я знаю, ты считаешь себя хорошим шептуном. Что же не пошел за драконом к празднику? Линдор и Ацис с Фавонием еще с ночи ушли, так ты бы им помог, а то они, глядишь, без тебя не справятся... Хлоя, видать, не пустила? Жаль, жаль. Женщина серьезная. Зато ты, конечно, рассчитываешь показать себя на вечернем состязании?

Ядовитый сморчок явно издевался. Ученики хихикали.

– У меня окно разбили, – сказал Леон.

Смех разом смолк. Парис приложил ладонь к уху:

– Как?

– Камнем, – буркнул Леон.

– Тьфу ты, я не о том! – рассердился старик. – Повтори еще раз.

– Окно у меня разбили! Окно!

Мальчишки разинули рты.

– Еще раз, прошу тебя.

Леон повторил еще раз. Потом не удержался и выложил подробности.

– Где?

– В доме. В спальне. Вдребезги.

Глаза Париса сделались круглыми.

– Дракони́й хвост! То самое стекло? То, что прозрачное? Из Города?

Леон кивнул.

– Дела... – Парис покачал головой. – Ну и времена пошли ныне, не думал, что доживу до такого. И следов нет, говоришь? Дела... Никогда не видел, как бьется стекло, надо бы пойти посмотреть... А вы чего сидите? – накинулся он на учеников. – Не понимаете, что ли, дело серьезное. Хватит с вас на сегодня. Филет, гони отсюда Леандра, пока он не заснул, пусть дома спит! Марш, марш, двум взрослым людям поговорить надо...

Ученики веером рассыпались по площади. Каждый нес весть, уже, несомненно, широко известную в деревне. Леон мог бы поклясться, что слышит отсюда вопли Хлои.

– Стало быть, камнем, – задумчиво проговорил Парис, теребя клочок бороды. – Или все-таки не камнем? Может быть, ветром, а? Хотя нет, ветра не было...

– Да камнем же, камнем! – не выдержал Леон. – Дракони́й хвост! Камнем, говорю тебе! Принести показать? Он и сейчас в стенке торчит...

– Тогда я знаю, что это такое, – решительно заявил Парис и поскреб лысину. Ветвистые морщины на его лице разгладились. – Это преступление.

– Как?

– Преступление, говорю.

Леон заморгал. Слово было знакомое, но что оно означало, Леон забыл. Когда он был подростком, то ходил в школу и узнал все, что нужно в жизни. Но этого в школе не проходили.

– Ты думаешь? – спросил он, стараясь не выдать своего невежества. – Такого, наверно, уже лет сто не было.

– Такого в нашей деревне вообще никогда не было, – уверенно заявил Парис, – да и в соседних тоже. Даже не знаю, что тебе посоветовать. С окном-то мы тебе поможем, соберем общий сход и решим дело, это каждому ясно... Слушай, а может, сообщить в полицию?

– Куда? – удивился Леон. – Да разве это их касается?

Парис пожал плечами.

– Точно не скажу. По-моему, это касается каждого. Тут вопрос тонкий... Видишь ли, конечно, трудно утверждать наверняка, только есть такое мнение, что преступления тоже по части полиции, если толковать расширительно. Так сказать, в рамках общего поддержания порядка. Думаю, не откажут помочь, если попросить, а?

– Можно и попросить, – сказал Леон. – А это удобно?

– Если неудобно, тогда извинишься, – убедительно произнес Парис. – Почему бы не попросить?.. Драконию хвост! Опять забыл, какой они пользуются линией! погоди, сейчас свяжусь с Гагием из Мирты, он должен помнить...

Леон смолчал и начал считать про себя. Очевидно для всякого, Парис пускал пыль в глаза – спросить о полиции можно было и поближе. С минуту шептун, закатив глаза, вхолостую шевелил губами. Затем крякнул с досады.

– Не отзывается, спит, должно быть. Может, ты помнишь?

Леон энергично помотал головой.

– Значит, придется лоцировать, – заключил Парис. – Ты сам-то сможешь? Впрочем, что я говорю – по тебе и так видно, что не сможешь, я бы после такого тоже не смог... Ладно, не мельтеши, я сам.

Некоторое время он оставался неподвижен. Потом хлопнул себя по лбу.

– Забыл! И это забыл, ну что ты будешь делать! Они же сами придут! У нас праздник, вот они и придут, уже небось на подходе. Угощать-то кого будем? Судить состязания кто будет? Сказителей – Хранительница, шептунов и стрелков – полиция, всегда так было, сам знаешь, а философов и мудрецов на этот раз – Умнейший. Он уже тут, я видел. И полиция будет.

– Умнейший? – от удивления Леон на секунду забыл о неприятностях. – А где он?

– Зачем тебе? – ревниво поинтересовался Парис. – Если просто посмотреть хочешь, тогда посмотри, не жалко, а если с вопросами приставать, так он этого не любит. Знаешь, какой он: гостевых домов не жалуется, сядет где-нибудь на крылечке и сидит, людей не видит. Обещал, что заночует у нас. К тебе-то он теперь не пойдет, раз у тебя стекла нету, чего ему у тебя делать? Я-то его хорошо помню, ты еще в соплях ходил, от горшка два вершка, а он и тогда был Умнейшим, только шел он в тот раз не на север, а на запад, где рыбоеды живут, а за ними моллюсковые, потом киселееды, река у них Молочная, называется так, а на деле просто мутная, пьешь – на зубах скрипит, а дальше, вдоль моря, говорят, и вовсе гнилыеды какие-то живут, только я в них не верю, я бы и ходить по гнили не стал, не то что есть, да и никто не станет, зато у них там, говорят, не Хранительница Знаний, а Хранитель, всё не как у людей, и согласия между ними нет, вот он туда и шел, в ту сторону как пойдешь – так до самых озер от деревни до деревни как раз день пути, удобно... – Парис перевел дух и снисходительно посмотрел на отвалившего челюсть Леона. – Что, думаешь, стар стал, болтаю много? А ты не думай, я не болтаю вовсе, а упражняюсь. Сам Умнейший мудрецов судить будет. А и кого судить-то, по правде сказать? Меня да старого Титира, так я его враз переспорю. Что было раньше, дракон или яйцо, а? Нимб или Простор? Я еще много чего знаю. Вот полезно перед состязанием печень летяги съесть, после нее слова хорошо высказывают и не путаются. Ты меня не слушай, что я тут про стрелков говорил, я ведь шептунов учу, а стрелков не я, один ты у нас какой-то странный: сам не знаешь, кто ты такой – стрелок или шептун... вот если подстрелишь для меня летягу, то хорошо будет, я тебе все же совет дал, а с окном вся деревня тебе поможет, так и знай...

Парис говорил бы и еще, но ему помешали. По главной улице с радостным визгом неслась ребятня. Следом осторожно ступал Линдор, статный высокий мужчина с пропыленным лицом. Он пятился задом, осторожно прощупывая ногой почву, иногда оглядывался, чтобы не споткнуться, глаза его были полужакрыты, губы шевелились, а в пяти шагах за ним, нависая над шептуном кошмарной пятнистой мордой, тяжело переваливался на задних

лапах громадный – Леону еще не доводилось таких видеть – дракон-самец. Короткие передние лапы зверя были сложены на груди, роскошный фиолетовый гребень едва подергивался, свисающий из пасти язык достигал земли. Дракон спал на ходу. Мощный, одетый в несокрушимую броню лесной гигант, способный одним махом разрушить деревню, предназначался для вечернего праздника и покорно следовал за человеком. Длинный голый хвост чудовища, похожий на крысиный, только в тысячи раз больше, чертил в пыли улицы глубокую борозду. За хвостом шла толпа.

Дойдя до площади, процессия остановилась.

– Тише, вы! – надсаживаясь, закричал на малышню Парис, мгновенно потеряв интерес к Леону. – Разбудите!

Дракон открыл один глаз и злобно посмотрел на Париса. То же самое сделал и Линдор. Толпа попятилась. Стало слышно, как на другом конце деревни мяукает кошка. Две девушки, чинно ведущие к площади Хранительницу, пискнув, увлекли ее в проулок.

Линдор закрыл глаза и зашептал с удвоенной силой. Его пропыленный лоб покрылся потом. Дракон подобрал язык, сделал шаг вперед, обнюхал Линдора, попытался потереться о него мордой и вдруг рухнул на бок. Мерное дыхание вздымало бронированную грудь – дракон спал и был счастлив. В ноздри ему сунули сонного лишайника, чтобы не проснулся до часа состязания, и только тогда раздались ликующие крики. Линдор утер пот и попросил пить. Тут же человек двадцать побежали к ручью. Всем было ясно, что первый этап состязания шептунов Линдор уже выиграл: от Ациса и Фавония, ушедших в лес одновременно с ним, пока не было ни слуху ни духу.

На Леона обращали внимание. Несколько раз он без всякого удовольствия ловил на себе любопытные или сочувствующие взгляды. Было ясно: не отвлеки Линдор людей драконом, каждый житель деревни не преминул бы именно сейчас выразить Леону свое живейшее сочувствие. Будто от этого легче.

КТО? КАК? ДЛЯ ЧЕГО?

Ответа не было. Нарочно выбрав самый безлюдный путь, чтобы не напороться на Хлою, Леон брел домой задами и терялся в догадках. За плетнем из дрын-травы тянулись огороды. Урожай в этом году выдался из рук вон: самый мелкий огурец перерос Леона ростом, торчал криво и без подпорок неминуемо завалился бы под собственным весом; хлебные лианы пухли от сока и выбросили вторые побеги; на Злачной поляне, к ликованию любителей Тихой Радости, забил новый родник и вот-вот готовы были вскрыться еще два; повсюду вылезло не только то, что сажали, но и то, что само попряталось в землю в прошлую засуху; дынные кусты, как всегда, ломились под весом плодов; на одних только землероек напала непонятная хворь – но когда это еще скажется!.. В деревне давно уже шли толки о том, что в нынешнем году Праздник Закапывания Излишков Урожая, пожалуй, не состоится – какой тут праздник, когда умучаешься закапывать! – и Парис еще весной всенародно объявил это знамением. Растолковать заинтересовавшимся, что означает это слово, он отказался, сам, наверное, не знал, за что и получил от недопонявшей текущего момента Хранительницы отповедь: не знамение, а затмение на него нашло, с шептуна станется, а с землеройками надо потолковать: хворь хворью, а землю рыхлить надо, не людям же огороды копать, в самом деле... Парис был посрамлен, но не переубежден – похоже, и впрямь мнил себя мудрецом.

Великий Нимб! КТО РАЗБИЛ? И – КАК?

Ответа не было. Леон чувствовал, что голова его тупеет. Кто мог пустить камень с такой силой, что он застрял в стене? Кем была раскручена праща? Откуда? Следов-то не обнаружилось. По деревьям он скакал, что ли? И главное – ЗАЧЕМ? Что он хотел этим сказать, драконий хвост?!

Может, Парис не столь уж глуп и это вправду дело полиции?

Позади с площади доносились крики и смех – в кухонной яме острили новый кол. От деревенских собак, возвращавшихся после ритуала облаивания сонного дракона, Леон избавился, добыв из плетня дрын. Эманация Тихой Радости возвестила о присутствии Кирейна, одного из младших сказителей, знаменитого тем, что однажды он ухитрился заблудиться в лесу, – уединившись на задах, пьяница репетировал замшелую Быль о том, как люди жили прежде на Великом Нимбе, нынешнем приюте отлетевших душ, и по чьему злому умыслу они спустились оттуда в Простор. Пальцы сказителя путались в струнах думбалы и часто промахивались, затуманенные глаза были устремлены в пространство, нос опух. Тыквенная бутыль валялась в ногах. Леона он не заметил.

Мало ли кого еще могло занести в проулок. Леон ускорил шаги, свернул у последнего поворота на главную улицу и на переброшенном через ручей одnogорбом мостике второй раз за это утро столкнулся с Филисой. Нос к носу.

Разумеется, теперь она знала всё и немедленно принялась утешать. Ее голосок, обычно щебечущий, подобно пению лесной бабочки, теперь звучал глубже и проникновенней. Ожерелье из свежих цветов лианы, только что украшавшее ее шею, на глазах Леона было разорвано и полетело в ручей. Сопереживать она умела не хуже других.

– Ну... – отмахнулся Леон и вдруг, неожиданно для себя улыбнувшись, выпалил: – Да я уже забыл об этом окне!

Сейчас это было правдой.

Опомнившись, он укусил себя за язык: Филиса могла подумать, что он никудышный хозяин. Хуже того – Филиса могла передать его слова Хлое, и тогда уж вовсе покоя в доме не жди. Леону захотелось немедленно, не сходя с шаткого мостика, схватить Филису за плечи и трясти, трясти, пока она не поймет, какая на его долю выпала пытка – жить с Хлоей; пока она не перестанет сочувствовать ему из-за глупого битого стекла... кстати, о битье: с Хлоей надо что-то делать, сил нет терпеть, пусть потом Хранительница против него хоть всю деревню поднимет...

– А я замуж выхожу, – вдруг сообщила Филиса.

Полыхнуло. Разверзлось, рухнуло небо. С покореженного Великого Нимба упал душный мрак. И во мраке звенел, звенел под стать журчанию ручья голосок лесной бабочки.

– За кого? – спросил кто-то чужой голосом Леона.

– За Линдора. А с окном тебе вся деревня поможет, ты не сомневайся. Хранительница так и сказала: пошлем гонца в Город, будет тебе новое...

Голосок доносился уже из-за спины – Леон шел, не видя куда, деревянный мостик кончился, а земля расплзалась под ногами, как тесто, готовила предательские ловушки, он шел прямо в пропасть, и не было сил остановиться. Колючие грибы в Трескучем лесу выскакивали из земли, норовили ужалить в пятку, на голову сыпались сучья, – с уханьем падало дерево, а за деревом оказывался разъяренный дракон, и Леон никак не мог его зашептать; тогда из земли, как гриб, выскакивал Линдор и зашептывал дракона, который вдруг оказывался Филисой, и Линдор вел ее на площадь к сонному лишайнику...

Леон очнулся возле своего дома. Судя по царившей вокруг тишине, Хлоя еще не вернулась – не иначе, превращала себя в посмешище беготней по деревне и рассказами о том, какая ей выпала доля при таком муже – и сравнить нельзя с покойником, который был со всех сторон человек положительный...

На пороге дома, сгорбившись, спал Умнейший. Леон сразу узнал его – Умнейший постарел, но выглядел почти так, как рассказывал Парис. Жилистый старик, что ему будет. Станный, неясного назначения, сплетенный из травы предмет, обычно носимый Умнейшим на редковолосом черепе, свалился во сне и лежал у ног. Об этом предмете во многих дерев-

нях ходили разнообразные толки, благодаря ему Умнейшего узнавали везде, где бы он ни появился. И те, кто его никогда не видел, знали об этом предмете.

Леон скосил глаза. Изнутри предмет оказался пустым, как покинутое гнездо. Ничего в нем не было.

Умнейшего не спросишь, почему он облюбовал для сна крыльцо именно этого дома. Может быть, по простой случайности. А может, и нет. Странное дело: увидев Умнейшего и прекрасно понимая, что должен сейчас почувствовать всем сердцем – радость, почтение и любопытство в произвольных долях, – Леон ничего этого не почувствовал. Наоборот, расстроился еще больше. Два события за одно утро – много, очень много.

Услышав шаги, Умнейший почесался и зевнул, не прикрывая рта. Один глаз, открытый до половины, обозрел Леона. Со сна голос Умнейшего звучал растянуто и сипло.

– Удивлен?

Леон покачал головой.

– Знаешь, кто я?

Леон кивнул. Умнейший живо поднял второе веко, и в глазах его мелькнуло: забавная деревня, каждый день у них на пороге дома Умнейшие спят... Но мелькнувшая искра любопытства сразу погасла. На Леона смотрели просто глаза – старческие, странно-голубые, каких в деревне ни у кого не найти, разве что у горцев-яйцеедов... Глаза равнодушно-понимающие.

– Горе? – спросил Умнейший и зевнул. – Причина?

И снова кто-то чужой, только притворяющийся Леоном, произнес то, чего не было сейчас у Леона в мыслях, но только это и можно было сказать людям, даже Умнейшему, а может быть, Умнейшему в особенности:

– Окно разбили...

Умнейший снова зевнул.

– Камнем? – спросил он, смыкая веки.

Глава 3

Очистку картофелины можно начинать с любого бока, главное, выполнять ее тщательно, не оставляя глазков.

Кулинарная книга

Вот он я весь – из крови и плоти, как вы, хоть плоть мою не видел никто, включая меня самого, и пощупать меня тоже нельзя: во-первых, это ничего не даст, а во-вторых, Нбонг терпеть не может пальпирования. На рентгенограмме я получаюсь неважно и не люблю свое изображение. Что за извращенное удовольствие – рассматривать скелет в скелете? К тому же вся верхняя половина меня приходится брату точно на печень, а нижняя – уж и не хочется говорить на что. Очень похоже на зрелый эмбрион в чреве матери, если только перевернуть его головой вверх, а чрево увеличить. Нет, смотреть на это не доставляет мне абсолютно никакого удовольствия, и брат со мною полностью согласен. Вообще мы с ним расходимся во мнениях лишь иногда и по сущим пустякам.

Один такой пустяк как раз валяется на полу в нашем с братом отсеке, даже не удосужившись ободрать с себя скафандр-напыльник, зябко дрожит, дышит с хрипом, стонет и мычит что-то невнятное. Приполз отдохнуть и отогреться до следующего витка не куда-нибудь, а почему-то именно сюда – ну и пусть. Мне не мешает. Мысли у него сейчас скачут, как полоумные, но я от них отстроился. По сути и не мысли вовсе – банальные эмоции примитивного существа, каков он есть на самом деле. Ограниченно ценный с условным гражданством – это такой зверь, пользы от которого немного, его можно особенно не беречь, но и тратить вхолостую не позволено. Пусть живет, пока приносит хоть какую-то пользу. Не первый посев, не последний.

Зовут это чудо Й-Фрон, и я иногда разговариваю с ним – языком, губами и гортанью брата, потому что глухарь не принимает элементарных мыслеприказов. Нбонг до разговоров с ним не снисходит, брезгует, а я, случается, не прочь почесать язык, тем более не свой, пока брат спит. Надо сказать, это довольно утомительное занятие – управлять мышцами спящего, а скорость обмена репликами навела бы зевоту на всякого другого. Но мне нравится. Это мое развлечение, моя гимнастика и мой маленький секрет – поднять чужие веки, раскрыть чужой рот и произнести СВОЕ слово. Брат, кажется, ни о чем пока не догадывается. Иногда во время разговора я чувствую, что корабль нас подслушивает. Не возражаю, но только чтобы потом не болтал лишнего. Мне это не понравится и брату, думаю, тоже.

Стучит сердце брата: бум! бум! бум! Стучит мое: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Что же, это животное так и будет лежать, дрожать и ныть?

Ладно, пусть лежит.

Так, теперь он начал чесаться. Наверное, все же слегка поморозился. Скребется так, что напыльник летит клочьями. Это единственное, в чем ему можно позавидовать: когда у меня чешется спина, я не имею возможности ее почесать и вынужден терпеть чесотку, пока она не пройдет сама собой. Зато до любой своей пятки достаю рукой так же легко, как он.

Я нечаянно ловлю себя на мысли, что сейчас мы с ним чем-то похожи друг на друга: оба скатаны в комок так, что колени чувствуют подбородок, – чего уж тут не достать до пятки. На самом деле сходство между нами еще глубже: мы оба зависимы, вот в чем дело. Понимаешь это только умом, когда обстановка позволяет поразмышлять на абстрактные темы; эмоции же вовсе не протестуют, если, конечно, в данный момент не чешется спина. Свобода? Нет, знаете ли, не нужно. Предложите другим. С тех пор, как я научился видеть то, что вовне брата, свободы мне достаточно. Свобода – от чего? От законов природы? И кто свободен? Нбонг, мой единокровный брат и резервуар? Хтиан, что пускает фонтан у себя в бассейне?

Коммодор и капитан лидер-корвета Ульв-ди-Улан? Сам лидер-корвет? Один из автоном-очистителей, уже начавших очистку планеты?..

Забавно: я словно бы начинаю возражать ограниченно ценному Й-Фрону, пытаюсь перевести свои мысли на акустический язык, чтобы переубедить его в том, о чем он даже еще не подумал, – а для чего? Будто и так не ясно.

Нам с братом повезло при рождении – вот что следует ценить в такое время, когда пять из шести младенцев рождаются ограниченно ценными, не-ценными либо просто нежизнеспособными. Хроники Темных Времен утверждают, что прежде было еще хуже: лишь каждый двадцатый новорожденный появлялся на свет полноценным. Не знаю, не уверен. В хрониках Темных Времен много путаного и недостоверного, к примеру, указание на то, что до Всеобщей Войны лишь жалкие единицы людей владели столь естественным для человека телепатическим способом общения и при этом пользовались равными правами с глухарями! Мыслимо ли?

Не-ценные мешают. Необходимое количество ограниченно ценных всегда можно отловить и обучить чему-нибудь несложному. Думаю, именно так сюда попал Й-Фрон, да и Дин-Джонг тоже. Оба они немножко похожи на мою рентгенограмму, если не игнорировать кости, – может быть, я именно потому никогда особенно не рвался наружу, что подсознательно не хотел быть похожим на ограниченно ценных хотя бы внешне?

Чушь. Глупые мысли нуждаются в пресечении – мы с братом всегда были, есть и будем одним целым: Нбонг-2А-Мбонгом. По мне бежит его кровь; мы дышим одним воздухом, прекрасно ладим и дополняем друг друга. Когда один из нас бодрствует, другой спит. В сущности, мы один постоянно готовый к употреблению специалист – в свое время было признано целесообразным не разделять нас по специальностям. Никогда ничего не имел против. Мне нравится моя работа.

Анализируя планету, корабль транслирует картинку за картинкой, переводя язык уравнений в графическую n-мерную форму. Человеку – если он не Ульв-ди-Улан – неудобно работать с цифрами, его мышление аналоговое.

Каждая планета неповторима, каждая нуждается в очистке по-своему. Штатные методы гибки, и довольно часто автоном-очистители самостоятельно справляются со своей задачей. Это – рутина. Но иногда требуется мое или брата вмешательство, и тогда мы испытываем высокое наслаждение художника – там поправить, тут убрать, здесь добавить мазок... Бескислородные миры, ледяные миры, горячие планеты без твердой коры... (Одна такая планета стала нашим шедевром: мы сконденсировали водяной пар – теперь там на дне рудники, города под куполами, космодром, и из толщи кипящего океана выскакивают к звездам ошпаренные звездолеты.) Скучнее всего, когда на планете есть жизнь: как правило, в этом случае вполне пригодны штатные методы очистки – остается только болтаться на орбите и ждать результата.

Судя по сообщениям автоном-очистителей, первая серия легла удачно. Корабль идет над океаном и спрашивает, не пора ли начать выращивать вторую серию очистных бомб. Пожалуй, чуть торопится.

«Ладно, – шучу, – можешь нести свои яйца. Разрешаю даже кудахтать, только тихо».

Кудахчет. С юмором у него туговато...

Тем временем ограниченно ценный перестает чесаться и пытается сесть.

– Уже согрелся? – спрашиваю я губами брата.

«Какое там...» – это у него в мыслях.

– Какое там... В-вв-в-в...

Серое вещество у ограниченно ценного неотделимо от речевого центра. Что думает, то и болтает. Вполне мог бы промолчать – знает ведь, что я понимаю его без слов. Примитивен.

К тому времени, когда Парис привел полицию, Леон окончательно извелся. Мало было битого стекла, мало было известия о помолвке Филисы – в довершение несчастий вернулась Хлоя, слегка охрипшая, но еще полная сил и гнева, и оба пасынка – Сильф и Дафнис – были, конечно, тут как тут – стояли хитрыми скромниками в уголочке, боясь попасть под горячую руку, ковыряли в носу и с тайным восторгом наблюдали за тем, как мать делает из отчима драконий помет. Солнце уже давно поднялось выше деревьев. Умнейший по-прежнему дремал на припеке, Хлоя не сомневалась в том, что окно разбил сам Леон, чтобы досадить жене, нахихикавшиеся близнецы мало-помалу начали позевывать, потом им надоело это занятие и они ушли, а Леон и этого не мог сделать: воспитанный муж не станет противиться жене на людях, а покорно выслушает все, что та намерена ему сообщить. Вокруг дома собрались соседи и, привлеченные криками Хлои, подходили еще, издали таращили глаза на посапывающего Умнейшего, некоторые заглядывали в разбитое окно, шупали осколки и, сокрушенно качая головами, пытались вставить утешительное словцо. Общее настроение складывалось скорее в пользу Леона, слушатели явно одобряли его стоицизм, но от этого было не легче.

То, что в голове Леона прочно поселился низкий одуряющий гул, не пугало – к этому он привык. Пугали запретные мысли, изредка проскакивающие сквозь завесу гула. Побить Хлою? Давно пора, честно говоря. Научить уважать мужчину, пусть он и менее ценен, нежели женщина. Но тогда придется уходить из деревни, Хранительница на этот счет строга. Осудят общим сходом – и уйдешь, никуда не денешься, станешь изгоем и, хоть не пропадешь с голоду и рано или поздно найдешь деревню, готовую тебя принять, Филису уже никогда не увидишь.

Еще того хуже – убить... Леон весь вспотел от этой мысли. Он прекрасно помнил облаву, случившуюся несколько лет назад, сам в ней участвовал – убийцу из какой-то отдаленной деревни, человека агрессивного, явно больного, и, по убеждению врачей-шептунов, больного неизлечимо, много дней гнали по лесу, пытались оттеснить в болота и в конце концов загнали в горы, к яйцеедам. Те хорошо помогали – лишь благодаря их умению ползать по скалам всего только трое охотников из облавы сорвалось с круч, а могло быть много больше. В конце концов убийцу удалось загнать на скальную стену над пропастью; он был сильный человек, этот убийца, – висел на крошечных выступках день, другой и лишь на третий разжал руки...

Случай был редчайшим и всколыхнул всю округу. Бабки и прабабки не могли припомнить такого, – человек не должен убивать человека! Тогда, во время безумной гонки по горам, убийца не раз и не два невольно подставлял себя под выстрелы духовых трубок. Потее, Леон пугался. Разгоряченный погоней, он один раз чуть было не плюнул отравленной стрелкой в бугристую, напружиненную спину, мелькнувшую меж валунов. Чуть-чуть он сам не стал убийцей. Если бы преследуемый не оглянулся в тот момент – стал бы. И был бы отдан шептунам для излечения. Ужасала мысль: наверно, он всё же не такой, как все...

Излечившись – убил бы себя сам. Уколол бы шею стрелкой. Человек и без того слишком часто умирает раньше желаемого срока, чтобы допустить самую мысль о смерти от человеческих рук. Бывает, неосторожного охотника убивает дракон, но дракон – он дракон и есть, его едят, и он вправе не соглашаться с этим. Человек не дракон. Убийца человека – сам не человек и не должен жить.

Полицейских было двое. Одного из них Леон узнал сразу – им оказался Брюхоногий Полидевк, в прошлом лучший стрелок и гордость деревни, когда-то обучивший Леона своему искусству, неизменный победитель стрелковых состязаний, но охотник все же неважный и шептун никакой. Покрытая затейливой резьбой желтоватая кость, торчавшая у него от левого плеча до локтя, свидетельствовала о непредвиденной встрече с драконом, чем и окончилась охотничья карьера Полидевка, тогда еще не Брюхоногого. Настоящий охотник умеет ходить по лесу и спящего дракона чует за версту. Что бы там ни говорили, а дракон – чудище

по преимуществу травоядное, ну разве что иногда слизнет с ветки задремавшую птицу-свинью, так что Полидевк остался жив, потеряв руку лишь по собственной неосмотрительности. С тех пор он перестал ходить в лес, отрастил колыхающееся чрево, став похожим на неплотно набитый мешок на толстых ногах, сделался лучшим в округе, хотя и единственным, резчиком по собственной кости и вскоре перешел на спокойную работу полицейского. О Брюхоногом Полидевке было известно, что он большой любитель Тихой Радости и терпеть не может, когда его называют просто Брюхоногом. Второй полицейский имел унылый вислый нос, был высок, тощ, сутул и откликался на имя Адонис.

– Леон! – закричал Брюхоногий Полидевк еще с порога, отчего Умнейший вздрогнул, приподнял одно веко и снова опустил его. – Ты?! Рад, рад видеть. Ну, что тут у тебя?

Леон объяснил что.

– Ага, ага, – покивал Полидевк. – Значит, правда. А я-то, признаться, думал, напутали что-то. Где ж это видано, чтобы стекла били? А чем? Вот этим? Дай-ка, дай-ка посмотреть... Ага, ага. Ну вот что я тебе скажу: правильно ты сделал, что нас позвал... – полицейские переглянулись. – Отойди-ка пока в сторонку, не мешай, а угощать после будешь. Мы это дело враз...

Леон отошел в сторонку. Он совсем не был уверен в том, что поступил правильно, позволив Парису привести полицию. Сразу было видно, что полицейские взялись не за свое дело, и сквозившая в их действиях растерянность, плохо скрытая за многозначительностью, подтверждала это как нельзя лучше. Впрочем, оба старались не ударить в грязь лицом. Честно говоря, Леон не удивился бы, если бы полицейские вежливо уклонились от расследования – в каждой деревне их кормят и поят вовсе не за это (хотя они и сами прокормились бы расчудесно). Всей работы – быть арбитрами в спорах и судьями в состязаниях. Ну, еще распоряжаться, если где пожар или какое другое бедствие. Только-то. Самая никчемная должность – для калек или лентяев без честолюбия.

Посоветовавшись шепотом, оба полицейских приступили к осмотру места преступления. Для начала Адонис полез с ногами на кровать, вызвав истеричную брань Хлои, разбужившую Умнейшего, и, внимательно осмотрев уцелевшие в раме осколки, глубокомысленно побряхтел. Брюхоногий Полидевк, выудив из смятой постели тонкую стеклянную занозу, наколол палец, пососал его и высказал мнение, что удар в стекло был знатный. Затем внимание полиции привлек застрявший в перегородке камень, вслед за чем было потребовано, чтобы любопытные отошли от окна и не застили свет. Поддернув полу форменной хламиды, Адонис проворно опустился на корточки перед перегородкой, ощупал камень и поскреб его ногтем. Произошел спор. Полидевк, чрево которого мешало ему как нагнуться, так и опуститься на корточки, заявил, что камень представляет собой одновременно орудие преступления и алевролит ожелезненный, за что он, Полидевк, ручается престижем профессии; Адонис же твердо стоял на том, что камень этот суть не что иное, как желвак аномально окрашенного аурипигмента, для убедительности предлагая Полидевку попробовать его на вкус. Лакомиться аурипигментом Полидевк отказался, на чем дискуссия была исчерпана. Попытка вытащить камень из перегородки пальцами не принесла успеха.

Выйдя на свежий воздух, полицейские перешли к опросу свидетелей. Последних оказалось так много, что их пришлось выстроить в очередь. Правда, никто из них не видел злоумышленника, зато многие засвидетельствовали, что проснулись, разбуженные взволнованной Хлоей, а древняя старуха Галатея, чей дом был ближайшим, вроде бы припомнила, что была разбужена непосредственно звоном стекла, но, впрочем, кто его знает – это мог быть звон в ушах, в ее возрасте вполне естественный.

Других свидетелей не оказалось. Брюхоногий Полидевк прямо спросил, не знает ли кто, кому понадобилось обидеть Леона, и, напоровшись на дружное «нет», был явно расстроен и озадачен. Следствие зашло в тупик. Полидевк наморщил жирный лоб, мучительно

и очевидно для всех пытаясь придумать новый вопрос, нервно погладил уцелевшей рукой свою резную кость и устремил умоляющий взгляд на Умнейшего. Тот поманил его пальцем. Разговоры в толпе стихли.

– Ага! – обрадовался Полидевк, отклеиваясь от Умнейшего, прошептавшего ему на ухо несколько слов. – Верно! Как это... э-э... Да! Слушайте. Может быть, кто-нибудь из вас заметил что-нибудь подозрительное?

После специальных пояснений, что подозрительное – суть нечто новое, необычное и притом внушающее опасения, зрители враз замотали головами. Мотанье продолжалось долго. Один карапуз лет пяти, лопааясь от гордости, заявил, что нынче утром видел и даже слышал подо... подользитное: свет, дым и долгий гул в западной части небосвода, однако интереса у следствия не вызвал и был одернут мамашей. Время от времени, хотя и нечасто, с Великого Нимба падают в лес оплавленные глыбы, это всем известно и опасений не внушает.

Толпа все росла. Леон кисло подумал, что у его дома собралось, наверное, полдеревни: не каждому поколению случается видеть, как полиция ведет расследование. Огород уже вытоптали. Все до единого сказители были тут как тут. Хранительницы Знаний в толпе видно не было, зато обе младшие хранительницы стояли в первом ряду и, раскрыв рты, жадно обременяли память, стараясь не упустить ни единого слова. Несчастливый для Леона день обещал войти в историю.

Не получив должного ответа, Полидевк нахмурился, укоризненно посмотрел на Умнейшего – тот и ухом не повел – и протиснул свое чрево в дверь. Вскоре из дома вместе с руганью Хлои и жалобным писком кровати – по ней, как видно, опять ходили ногами – донесся зов Адониса, просящий помощников. Человек тридцать сорвалось с места.

Умнейший снова поманил пальцем – на этот раз Леона. Когда зовет Умнейший, надо бежать к нему со всех ног.

– Хочешь, чтобы нашли, кто это сделал? – старик говорил отрывисто и сухо, словно выплевывал шелуху.

Леон немного подумал.

– Нет.

– Правильно. Я так и полагал. Ведь нет же в лесу таких зверей, чтобы плевались камнями. Случайный чужак пришел бы и покаялся. Вы бы с ним еще Тихой Радости выпили. Значит, кто-то свой, из деревни. Приятно ли тебе будет узнать – кто?

Леон покачал головой, а старик некоторое время сидел молча и только жевал сухими губами. Потом проговорил, но уже гораздо тише:

– Может, и не человек это был... Самое худшее, если не человек. Хуже нет...

– Кто же тогда? – Леон опешил.

– А я почему знаю! – неожиданно рывкнул Умнейший.

Тем временем полиция, очевидно, пришла к какой-то мысли. Добровольные помощники перестали суетиться, притащили длинную жердь и под крики «левее!», «ближе!», «чуть правее!» воткнули ее на огороде. К верхушке жерди привязали веревку, другой ее конец через разбитое окно протащили в дом. Веревка поползла и натянулась.

– Так, – пробормотал Умнейший. – Выверяет направление. Мог бы с этого и начать.

Ступени крыльца скрипнули – из дома левым боком вперед выбрался сияющий Полидевк. Вывернув толстую шею так, чтобы дотянуться губами до своей резной кости, он побагровел от натуги и выдул несколько хриплых нот – кость была дудкой. Раздались аплодисменты.

– Леон, чего зря стоишь? Ставь угощение! Я же говорил, что мы это дело враз, вот мы и враз. Тащи пока еду, да и выпить бы неплохо – когда еще праздник начнется! – а я пойду взгляну, чьи там следы...

Он величаво двинулся к опушке, раздвигая восхищенную толпу, как лесной дракон раздвигает подлесок. Леон собрался было крикнуть ему, что уже смотрел там сегодня, нет на опушке никаких следов, – но не успел. Брюхоногий Полидевк вдруг остановился, чрево его заколыхалось. В толпе кто-то охнул. Головы всех повернулись к лесу. Леон поднялся на ступеньку, чтобы лучше видеть.

– Ой...

Лес был как лес – стоял синей стеной, мирный, тихий. И согретая солнцем поляна, просохшая после ласкового дождя, зеленела как надо, звала поваляться на шелковой траве. А через поляну от леса к деревне, шатаясь, бежал человек. Не добежав до огорода, он упал ничком.

– Фавоний!

К упавшему кинулись, подняли, внесли в дом. Хлоя и то не посмела возразить, когда запропавшего с утра молодого шептуна клали на постель, предварительно стряхнув с нее стеклянные осколки. Отерли пахучей травой лицо, влили в рот глоток воды. Побежали за женой Фавония, но вспомнили, что он вдов, и вернулись. В спальню набилось столько народу, что некуда было ступить.

– Где Ацис?

Фавоний открыл глаза без ресниц, застонав, с трудом разлепил обожженные, в волдырях губы. Слабо махнул рукой.

– Там... Убит...

Фавоний метался по постели, кричал: «Не надо туда ходить! Не надо!..» В глотку ему лили Тихую Радость, он хрипел и булькал, отбиваясь, мотал головой, потом обмяк, пустил слезу и, пробормотав: «Ну как хотите, а я предупредил...» – впал в беспамятство.

Бессвязный рассказ шептуна, передаваемый из уст в уста, мгновенно облетел всю деревню. События выглядели так: еще затемно Фавоний с Ацисом ушли в лес за драконом, договорившись действовать сообща и выбрать дракона посговорчивей, – очень уж хотелось обставить Линдора на состязании. Сначала им долго не везло – то поднятый из берлоги дракон оказывался самкой, да еще с новорожденным потомством, то шептунов не устраивала неподатливость зверя – и лишь в четверти перехода от деревни наконец попало то, что надо. Чтобы миновать Трескучий лес, они взяли от оврага вправо, рассчитывая вывести дракона на тропу через Круглую пустошь, Криволесье и Мшистый Тягун. Тут-то все и произошло. Железный Зверь напал на них издали, разом поразив зашептанного дракона и Ациса, – «Сам как шар и огнем плюется, говорю вам!» – Фавоний же, отброшенный и обожженный огненным ударом, теряя сознание от боли, прополз кустами до леса, и вот он здесь, чтобы предупредить: бойтесь, люди!

Протолкавшись через толпу, Леон сдернул со стены духовую трубку, подхватил пучок стрелок из шипов игольной лианы и выскочил на улицу. Кажется, Хлоя не заметила, и слава Нимбу! Пусть Полидевка угощает кто-нибудь другой, сам он сыт этим по горло. Надоело! Пусть всё это хоть на полдня останется позади – досадная история с битым стеклом, постылое сочувствие соседей, блиннолицая сдобная жена, сварливости необычайной, Филиса со своим замужеством... Он пойдет в лес, и сейчас же. Мужчина должен делать мужское дело, потому что на то он и создан, чтобы снять с женщины часть забот... Надо выяснить, что же все-таки произошло с Ацисом – убит ли? А может, еще и не убит...

Рассказ Фавония вызывал сомнения: где это видано, чтобы лесные звери нападали на тех, кто их не трогает, вдобавок плюясь огнем? Нет таких зверей ни на западе, ни на востоке, и не может их быть. Правда, драконы-самцы во время гона пугают друг друга огненным дыханием, но то не огонь вовсе, а безвредный светящийся газ, и даже дети знают, что никто еще им не обжегся. С другой стороны – ожоги Фавония...

Деревня гудела, словно улей.

На площади сквозь плотные ряды слушателей протискивалась младшая хранительница – послушать спор. Люди ловили каждое слово. Некоторые, чтобы лучше видеть, влезли на тушу спящего дракона, читали издали по губам. Здравомудрый старый Титир, потерявший обычную благообразность, насканивал на Париса: «Нет и нет! Железный Зверь, конечно, может существовать как условная объективность или, что то же самое, как субъективная реальность, данная нам в чувственное восприятие или, что то же самое, в условное ощущение...» – «Ты завирайся, да не очень, – дребезжал в ответ Парис и бегал глазами по толпе, ища поддержки. – Какая же она условная, когда пострадавший отнюдь не условен, ipso facto, следовательно, – primo, – Железного Зверя следует считать реальным, но так как во всем Просторе, слава Нимбу, ничего подобного ни разу не случилось со дня Сошествия, то, – secundo, – его следует считать реально не существующим...»

Решено было пойти и посмотреть.

Послали к Хранительнице за ядом – смазать наконечники стрелок. Зверь так зверь – Парису в деревне не очень-то верили. О разбитом окне и полиции никто уже не вспоминал, будто ничего и не было. Леон только радовался. Человек десять охотников выразили готовность идти в лес, от шептунов вызвались Парис и отдохнувший Линдор. Умнейший вызвал всеобщее удивление, решительно нахлобучив на голову свое птичье гнездо и заявив, что тоже идет. Никто не возразил – Умнейшего не спрашивают о том, почему он поступает так, а не иначе.

Двинулись напрямик, через Трескучий лес. Парис тут же прилепился к Умнейшему, семенил рядом и делал всё сразу: раздвигал у того перед лицом ветки, предупреждал о яме, которую надо обойти, шугал лесных бабочек, чтобы своими песнями не мешали течению высоких мыслей Умнейшего, щипал себя за бороденку, безостановочно вещал и заглядывал в глаза – словом, набирал очки перед состязанием мудрецов. Некоторое время Леон наблюдал за ним с кислой усмешкой, потом вспомнил, что еще не завтракал, сорвал лесной орех и умял его, потом побрился на ходу листом коры дерева, потом спел в уме все песни, какие знал, Трескучий лес давно кончился, и потянулось Криволесье, а коварный сморчок все никак не мог уgomониться. Умнейший, кивая, отвечал односложно.

Великий Нимб! Можно смеяться над Парисом – нельзя осуждать. Разве найдется человек, втайне не мечтающий хоть раз в жизни запросто поговорить с Умнейшим! Мать Леона, сказительница, укладывая спать маленького, рассказывала в ответ на настойчивые расспросы: «Умный он, сынок, самый умный в Просторе, до самой дальней дали, куда и не дойти человеку... Везде о нем слышали, и в Городе его хорошо знают. Давно уже ходит он, ходит... ищет человека умнее себя, а находит только более знающих... И нет у него учеников: ужасно, когда можно только учить и не у кого учиться...» Сама мать гордилась тем, что ей однажды удалось поговорить с Умнейшим: проходя через деревню в прошлый раз, тот спросил у нее воды.

Леон прибавил шаг и догнал Линдора.

– Что это за Железный Зверь, как полагаешь?

Линдор долго молчал, размышляя.

– Дойдем – увидим.

– А если он убежал? Ищи его... И старики с нами...

Линдор пожал плечами – выпуклые мышцы плавно перекатились под бронзовой кожей. С такой грудной клеткой из него мог бы получиться не шептун, а прекрасный стрелок, – мужчина в самом расцвете. Неудивительно, что Филиса согласна пойти к нему второй женой. Мало ему одной...

Леон отстал. От скуки он начал размышлять о том, почему так бывает: Трескучий лес – это одно, а Криволесье – это совсем другое. Те же деревья, да растут по-разному, свеклобабов

и молочных лиан в Трескучем лесу куда меньше, чем в Криволесье, зато кость-деревьев намного больше, сладкие грибы из Криволесья имеют свой привкус – на любителя, – правда, и там, и там бабочки поют одинаково, всюду мир и изобильное благополучие. Младенец не погибнет в лесу...

– Постой!

Леон вздрогнул. Умнейший догнал, тяжело дыша, отирая со лба пот рукавом хитона – старику было тяжело поспевать за охотниками. От Париса он все же как-то избавился – тот шествовал сторонкой, и Леон чувствовал на себе его завистливый взгляд.

– Скажи-ка мне, этот ваш Фавоний... он здоровый? Не заговаривается, во сне не ходит?

– Н-нет... А что?

– А как насчет Тихой Радости? Не злоупотребляет?

– Н-нет. Только по праздникам.

– Этого я и боялся... – Умнейший заметно помрачнел. – Далеко еще идти?

– Рядом уже. Вон пригорок, за ним еще один, а за ним...

Перевалили через пригорок, стали подниматься на следующий.

– Стой! – скомандовал Линдор. – Слышите?

Что-то было не так, Леон сразу это почувствовал, лишь только охотники замерли, настороженно прислушиваясь к хрупкому лесному молчанию. Что-то изменилось – неназойливо, почти неуловимо. Не то чтобы почуялась опасность, нет, – наоборот, казалось, что не хватает чего-то важного, и Леон тщетно пытался понять чего. Легонько кольнула зависть: чутью Линдора все давно привыкли доверять беспрекословно. Сильный шептун, быть ему к старости учителем, коли дозволит Хранительница.

– Бабочки не поют, – сказал один охотник.

– И это тоже... Парис, ты что-нибудь слышишь?

Парис весь pokrылся морщинами, тер виски.

– Никого тут нет. Ни одного существа. Бр-р... Дракониий хвост! – не нравится мне это...

До Круглой пустоши шли молча, след в след. Умнейшего вперед деликатно не пустили: старик хоть и привык ходить, а все же не охотник, шаг не тот... Не кружили над кронами птицы, не колыхались ветви, и не шелестели листья на деревьях, слизни и те не попадались на глаза. Небывалая тишина висела над лесом.

Следы Фавония отпечатались четко; разбирая их, охотники качали головами. Похоже, достигнув леса, шептун совсем потерял голову – метался туда-сюда, как полоумный совиный страус, прежде чем сообразил, в какой стороне лежит деревня. В воздухе запахло гарью. Вблизи кустарника след менялся – тут Фавоний полз на животе.

– Здесь... – шепнул кто-то.

Остановились, прячась за крайними деревьями. Круглая пустошь изменила вид: рощицы в ее центре не стало, земля местами была изрыта так, словно над ней потрудились целая армия землероек с лесную корову каждая, и сбоку, у самых кустов – Леон отвел глаза – в круге горелой травы лежала черная, обугленная туша, лишь размерами похожая на дракона, и еще лежало там что-то обугленное, не столь большое, скорчившееся в комок...

А посередине пустоши среди отвалов рыжей земли, припорошенных серым пеплом сгоревшей рощицы, лежал Железный Зверь.

«Крепко надо испугаться, чтобы так напутать», – подумал Леон, борясь с отвращением. Фавоний ошибся: Зверь вовсе не был похож на шар. Он был длинным толстым червем, и когда червь изогнулся, вгрызаясь в землю, стало видно, что он действительно железный, – солнце сияло на его боках, как на лезвии хорошо отточенного ножа, только что доставленного из Города, и не липла к ним вывороченная влажная глина, не садился пепел.

Пожирая землю, Зверь ворочался в яме, выплевывал тонкую невесомую пыль. Она курилась облаком, ветер медленно теснил ее к опушке, закручивал толстым столбом выше крон и развеивал над лесом.

– Тьфу! – сплюнул кто-то.

Прекратив на время жрать, червь сжался и сразу стал вдвое короче. На его блестящей спине вздулись три нароста, три сложно-правильных, будто выведенных по лекалу, бугра, и нестерпимо засияло на них полуденное солнце. У основания их перехватило перетяжками – мгновение спустя все трое отделились и соскользнули на отвал. Леон, разинув рот, во все глаза смотрел, как рождает чудовище.

– Детеныши... – выдохнул тот же голос.

Детеныши отползли подальше от ямы. Круглыми их тоже нельзя было назвать – скорее они были дисковидные, сильно приплюснутые сверху и снизу, и нисколько не походили на Железного Зверя. Что с того? Личинки драконов тоже не похожи на взрослых зверей, живут себе на деревьях и называются слизнивами.

Червь снова вгрызся в землю, расширяя яму. Железный Зверь... Опасный, явившийся неизвестно откуда, неизвестно зачем, гадостный и непонятный. Нет ничего ценнее жизни человека, так как же можно было убивать? Страшно не хочется отвечать тем же – а придется... Сначала зашептать, вывести на удобное место, затем испытать прочность железной шкуры и чувствительность Зверя к яду... Простая, но неблагодарная миссия. О ней не сложат песен и саг, о ней не расскажут детям, ее постараются как можно скорее забыть, но выполнить ее необходимо. Точно так же приходится пристреливать собаку, зараженную вирусным кошконенавистничеством. Нельзя просто отогнать – мало ли кто наткнется на опасное страшилище, гуляя по лесу. Железный Зверь, лишивший жизни не угрожавшего ему человека, не должен иметь шанса повторить убийство еще раз.

Хорошо бы зашептать его так, чтобы он лишил себя жизни сам...

Леон тщетно попробовал настроиться. Бесполезно тягаться с лучшими шептунами деревни. Он не чувствовал Зверя.

– Как нет его, – захрипел из-за кустов Парис. От напряжения он стал похож на тряпку, которую выжимают. – Ничего не выходит... Он все равно как неживой...

Линдор молчал, вперив в Зверя окаменевший взгляд. Его лицо покрылось бисеринами, на носу дрожала крупная капля пота. Охотники, держась за головы, стискивали зубы – мало кто чувствует себя в своей тарелке, когда рядом работает сильный шептун.

– Ну что? – шепотом взвизгнул Парис, как только Линдор тяжело вздохнул и, смахнув с чела пот, покачал головой. – Решил – у тебя получится? У меня не получилось – у меня! – а у тебя вдруг получится?! Говорю же: он как неживой, а значит, он неживой и есть...

Оба отползли назад, заспорили. Мало ли, что он движется, фыркал Парис, ну и что? Облака на небе тоже движутся – живые они? А то сухое дерево, от которого ты о прошлом годе едва унес ноги, – живое оно было, когда падало? Камень, что нынче испортил Леону жилище и настроение, – живой? Все неприятности происходят от неживого. И не спорь со мною, Линдор, ты хороший шептун, второй после меня, а только молод еще спорить со старшими. Давай-ка вот лучше Умнейшего спросим...

Тут только заметили, что Умнейший сидит позади цепи охотников на охапке листьев и грызет ноготь. Взглянув на Железного Зверя один раз, он потерял к нему всякий интерес.

– Живой, – только и буркнул он в ответ на вопрос. – В определенном смысле.

– Значит, с ним можно договориться, – заключил кто-то.

Умнейший не отреагировал.

– А ты попробуй, – предложил Линдор.

Леон продул духовую трубку, прикинул ветер, осторожно вставил стрелку, смазанную ядом, с пушистой кисточкой на хвосте. Хотелось попробовать острие стрелки на пальце, но

он не стал этого делать. Интересно, пробьет ли тонкая стрелка железную кожу? С такого расстояния, пожалуй, не пробьет, а вот если подобраться шагов на сто...

Линдор распорядился кратко и точно:

– Эет и Идмон, вы первые. Согласны? Обойдите его с двух сторон – и разом... Нет, Леон, тебе впереди всех делать нечего, в цель ты стреляешь прекрасно, а в даль не очень, так что иди-ка ты сзади, и набежишь, если что, и вы трое тоже... Все согласны? Пошли.

– Не надо туда ходить, – сказал вдруг Умнейший.

Благовоспитанный человек не подаст вида и тем более не рассмеется, услышав явную нелепость – и от кого! В эту минуту Линдор показал себя благовоспитанным человеком. Он не сбавил шага. Умнейший – знает многое, но если бы он никогда не ошибался, то звался бы не Умнейшим, а Безупречным...

– Не ходите туда, говорю вам! Возвращайтесь в деревню!

Эет и Идмон вышли из укрытия, на ходу поднимая духовые трубки. Им удалось сделать три шага.

– Назад!..

Тонкий, ослепительно белый шнур на мгновение соединил Идмона и Зверя, и Идмон вспыхнул. Эет успел сделать один шаг назад.

Железный Зверь плюнул огнем, даже не подняв головы из ямы, и Эет вспыхнул без крика так же, как Идмон. Оба горящих тела еще не успели упасть, когда бешено вращающийся огненный клубок настиг третьего охотника и, выжигая просеку, пошел в глубину леса.

Бичом «Основы Основ» были обыкновенные земные тараканы. Глядя внутрь себя, лидер-корвет содрогался от омерзения. Скверные насекомые бегали слишком быстро, чтобы корабль мог их поглотить, переработав в активную массу, и чересчур быстро плодились, чтобы их можно было уничтожить каким-либо традиционным способом. Лидер-корвет вел с ними войну. Он попеременно обрабатывал пустующие помещения излучениями разной жесткости и газом «типун» комбинированного нервно-паралитического, кожно-нарывного, удушающего и галлюциногенного действия (также и дефолиантом), он заманивал насекомых в тщательно замаскированные термические ловушки, мгновенно нейтрализуя продукты пиролиза, он выращивал вдоль протоптанных ими тропинок смертоносные излучатели и однажды опалил ногу самому Ульв-ди-Улану, он получал особенное удовольствие, прихлопывая нахлебников сонными. Тараканы мельчали, теряли усы и конечности, но не вырождались. Сдаваться они и не думали. Межвидовые браки рыжих и черных представителей тараканьего племени привели к появлению невиданных доселе тварей леопардовой расцветки, не чувствительных вообще ни к чему, кроме ударно-механического воздействия, и то усилие требовалось не маленькое. Выживали лишь самые проворные особи, успевавшие украсть крошку до того, как ее поглотит лидер-корвет, поэтому ему вечно приходилось брюзжать, чтобы экипаж, принимая пищу, не сорил на пол... Все было напрасно, и корабль, терпя нравственные мучения, без большого удовольствия отмечал, что с трудом добился лишь установления некоторого экологического равновесия. Война давно зашла в позиционный тупик. Утешало лишь одно: «Основе Основ» было известно, что над тараканьей проблемой безуспешно бились все корабли Дальнего Внеземелья, за исключением одного грузовика, который перевозил синтетическое волокно и страдал от моли.

Дин-Джонг, ограниченно ценный член экипажа, обладающий полным гражданством, принимал пищу. Он по одной отрывал сосиски от переборки, где они росли гроздью, сдирал целлофан и, макнув сосиску в соусницу, в два приема отправлял в рот. Одним глазом он с удовлетворением следил за тем, как обрывки целлофана на полу отсека начинают таять вроде льда и мало-помалу поглощаются полом – корабль утилизировал отходы активной массы. Было слышно, как за переборкой плещется в бассейне и фыркает Хтиан, а еще по переборке

непрятко бежал ушибленный «типуном» таракан – как видно, на запах еды. Его-то Дин-Джонг и отправил хорошо рассчитанным щелчком точнехонько в вошедшего Й-Фрона.

– Ограниченно ценному – привет!

– Что? – тупо спросил Й-Фрон.

– Привет тебе, говорю. Ограниченный, конечно... – Дин-Джонг захихикал. – Кстати, я занят. Пшел.

Й-Фрон потоптался на месте.

– Ты тоже ограниченно ценный, – нашелся он наконец. – Мало ли – полное гражданство... Не всем везет, как тебе. И поймали нас обоих в одной облаве...

Дин-Джонг оторвал еще одну сосиску.

– Глупо, – сказал он, жуя. – Глупо себя ведешь, совсем думать не умеешь. Что с того, что в одной облаве? Гордиться должен. Ты бы еще цензуру памяти вспомнил – тоже ведь вместе проходили... А, я знаю: ты бы, конечно, предпочел, чтобы тебя не поймали? Ну и жил бы себе, как крыса, и жрал бы крыс. Радуйся, что тебе дали хотя бы условное гражданство и вдобавок научили кое-чему стоящему. Тут уж, сам знаешь, все зависит от способностей, а у кого они есть, тот не пропадет. Верно?

– Верно, – подтвердил вслух «Основа Основ».

– То-то, – Дин-Джонг поднял кверху палец, образовавший вместе с сосиской неравно-великую букву «V». – Понимать должен. Мои способности были найдены, пробуждены и развиты, а у тебя никаких способностей сроду не было, и выглядишь ты как дурак. Будь доволен, что приносишь хоть какую-то пользу. Учи тут всяких глухарей уму-разуму, теряй время...

– Это какие же у тебя способности? – вспылил Й-Фрон, немедленно подумав: ох, зря. Но ловить себя за язык было уже поздно. Он сам все испортил. Ясно же было: Дин-Джонг в хорошем настроении, следовало этим воспользоваться...

– Не следовало, – возразил лидер-корвет.

Й-Фрон втянул голову в плечи. Сейчас точно влетит по первое число.

Но Дин-Джонг, как выяснилось, был не прочь поразговаривать.

– У каждого есть способности, – веско проронил он, макая сосиску в соус. Й-Фрон проводил ее взглядом. – У его превосходительства commodora Ульв-ди-Улана исключительные способности к вычислительной математике, у Хтиана – к внемчувствительному ориентированию в Пространстве с точностью до нанопарсека, вдобавок он лучший на Земле объездчик молодых звездолетов, наконец, Нбонг и Мбонг – квалифицированные специалисты по очистке планет, не говоря уже о смежных специальностях каждого. Такой экипаж может, не вставая с кресел, самостоятельно довести «Основу Основ» до любого порта, если допустить («Не надо допускать», – буркнул корабль), что разуму нашего лидер-корвета будут нанесены неустрашимые повреждения... А кроме того, каждый из них, как любой нормальный человек, способен к телепатическому общению друг с другом и с кораблем... впрочем, кое-кто в силу своей природной ограниченности вряд ли сумеет понять, что это такое. Меня, если помнишь, в сортцентре сразу отделили от всякой там шантрапы, развили во мне природный талант... И теперь я не хуже их. Так что если кое-кого пошлют на эту планету с проверкой, то уж никак не меня. Понял, убогий?

Фрону не терпелось возразить в том смысле, что Дин-Джонг все же принадлежит к низшей подгруппе полноценных граждан, что его телепатического таланта хватает лишь на прием прямых мыслеприказов самой большой мощности, от которых содрогается «Основа Основ» и Хтиан, трепеща перепонками, ныряет на дно бассейна, – но на этот раз он сдержался, тихонько проговорив:

– Если я не вернусь, пошлют тебя.

– Чего это ты не вернешься? – забеспокоился Дин-Джонг. – Ты уж вернись...

Сейчас можно было сделать попытку с шансом на удачу. И Й-Фрон ее сделал.

– Может, дашь одну сосиску?

Дин-Джонг затрясся от смеха.

– Ишь ты – сосиску! А тебя чем кормят?

– Стандарт-пищей, – ответил Й-Фрон.

– Вот и ешь свою стандарт-пищу.

– Дай одну, а? Одну всего.

– Уговорил, бери. Что-то добрый я сегодня – к чему бы?

Й-Фрон неуверенно приблизился. Чуда не произошло: как только он протянул руку, корабль всосал сосиски в переборку. Одновременно исчезла с поверхности стола соусница. Над наивным ограниченно ценным хихикали оба – Дин-Джонг и «Основа Основ».

Й-Фрону никогда не приходило в голову обижаться ни на привычно игнорирующих его членов экипажа, ни на корабль. Но обидеться на этого надутого спесью индюка Дин-Джонга он считал себя вправе.

Плеться вон из отсека, он даже забыл об опасности. В ту самую секунду, когда он перешагивал через коммингс, тот, как это часто бывало, подпрыгнул и ударил его снизу. Смелая фраза, приготовленная для Дин-Джонга напоследок, моментально улетучилась из головы. Схватившись руками за подбитое место, Й-Фрон немного пошипел, затем издал негромкий забавный звук:

– Й-й-й...

Собственно говоря, из-за этого звука он в свое время и получил добавку «Й» к данному в сортцентре имени.

Глава 4

Многим животным, а в особенности насекомым, свойственно общественное поведение. Например, муравьи, атакующие личинку, действуют планомерно и согласованно. Однако это вовсе не означает наличия у них какого бы то ни было разума.

Учебник биологии, 7-й класс

Вечерний праздник хоть и состоялся – со дня Сошествия с Нимба не бывало случая, чтобы праздник Созревания Тыкв был отменен, – но вышел скомканным. Песни как-то не заладились, танцоры двигались вяло, музыканты невпопад перебирали струны и пищаньем в дудки нагоняли зевоту, поэты и сказители так путали слова, что даже пьяный Кирейн на их фоне выглядел прилично, и Хранительница всерьез затруднилась, кому из них отдать предпочтение; из десяти выстрелов в мишень Леон промазал дважды, и приз отдали румянному недорослю, не числившемуся в главных конкурентах; вдобавок в состязании мудрецов Умнейший (многими было замечено, что он выглядит рассеянным), не дослушав, присудил победу старому Титиру, и Парис обиделся до глубины души; не смеялись дети, а взрослые не беседовали и не разливали Тихую Радость по пиалам из половинок орехов и надкрылий черепаховых жуков. Один Линдор показал свое умение шептуна во всем блеске, громадный дракон под его взглядом выделял чудеса: крутился волчком, приплясывал и стоял на одной лапе, но особых восторгов так и не вызвал, и многие вздохнули с облегчением, когда мучения животного оборвались в кухонной яме. Одним словом, праздника как бы и не было.

Три большие луны взошли на востоке; на темнеющем западе, отставая от канувшего за лес солнца, проявилась тонким серпиком четвертая – меньшая. Заметили яркую звезду, ползущую по небу к югу, поперек движения светил. Ночь прошла беспокойно. Горели костры на площади, горел над головами Великий Нимб.

Всю ночь по дорогам и тропам шли гонцы. Специально отобранные, лучшие из лучших, все как на подбор сухопарые и широкогрудые, способные без отдыха покрыть расстояние в три дневных перехода, в мутном свете четырех лун они несли весть о вторжении Зверя и призыв о помощи. Шесть дорог и троп уходило в лес – шесть гонцов было послано – шесть ближайших деревень должны были получить послание задолго до рассвета и отрядить в помощь лучших шептунов и стрелков.

Ждали.

С рассветом вернулся первый гонец и, сообщив, что весть доставлена, помощь от соседей будет, в изнеможении повалился на сонный лишайник. Солнце еще не успело подняться над лесом, как друг за другом прибежали остальные гонцы; последним вернулся посланный в самую дальнюю деревню и, задыхаясь, сообщил, что помощи ждать следует только к вечеру, раньше из той деревни никак не успеть. После краткого спора Полидевка с Парисом решено было вечера не ждать и покончить со Зверем так быстро, как только возможно.

К полудню отряды из пяти деревень вылились из леса на площадь. Приветствовали друг друга криками, обнимались, узнавая знакомых. Всего, по прикидке Леона, собралось человек четыреста – охотников бывалых, умелых и надежных. Юнцов оказалось совсем мало, и никто не явился одетым ни в сари, ни в хламиду – короткие набедренники, на ногах вместо домашних шуршавок – сандалии на мягкой подошве, у многих – кожаные поножи, ненужные в чащобе, но полезные на полянах, где можно напороться на траву-колючку.

Судя по всему, весть об опасности была воспринята всерьез. Столько шептунов и стрелков зараз Леону приходилось видеть лишь на состязаниях в честь Сошествия с Нимба, устраиваемых ежегодно на поляне Празднеств в пяти переходах от деревни. Духовые трубки

стрелков, длиной в полтора человеческих роста, колыхались над толпой, как тростник. Некоторые добавили к ним копья с наконечниками из листа кость-дерева. Были и такие, кто предпочитал пращу всякому другому оружию. Шептуны одной деревни привели с собой наскоро зашептанного дракона, захваченного в лесу по дороге, и это сразу напомнило легкомысленным о том, что дело предстоит нешуточное. Разъяренный дракон – а разъярить его нетрудно – слишком тяжелое и разрушительное орудие, чтобы баловаться с ним попусту.

Командовать выбрали Линдора. Брюхоногий Полидевк и Парис оказались у него в советниках, первый – как лучший когда-то стрелок и вообще человек знающий, хоть и полицейский, второй – как хороший шептун. Представители соседних деревень, подискутировав больше для приличия, уступили лидерство, согласившись с тем, что местным виднее, коли они уже сталкивались с Железным Зверем. Единственное, что вызывало недоумение в рассказе Линдора, – почему охотники бросили тела погибших товарищей? Разве Железному Зверю мало трупов, что он жаждет еще? Что это за Зверь, в конце концов? И что можно думать о таком Звере?

Недоумение ясно чувствовалось, но было молчаливым. Леон отводил глаза. Нет, в уме и сноровке испытанных охотников никто не усомнился, стыдиться было нечего... И все же он стыдился своего бегства от Зверя и, встречаясь взглядом с Линдором, видел, что тот страдает и стыдится не меньше его. Ясно, что второй раз они не позволят обратить себя в бегство.

Дело затевалось невиданное. Младшая хранительница, по случаю великого события пригубившая Тихой Радости, сообщила, что такой охоты – точнее сказать, такого похода – еще не бывало, по крайней мере она, младшая хранительница, не нашла упоминания ни о чем подобном ни в одной хронике, включая самые древние, и это наполняло сердца гордостью. Втягивались животы, расправлялись плечи.

Велено было разбиться на десятки и сотни. Перед самым выступлением в поход вновь появился Умнейший, о чем-то шептался с Линдором, в чем-то сердито убеждал его, судя по непривычной для Умнейшего бурной жестикуляции. Не добившись толку – плюнул и отошел, оставив Линдора недовольным. Вежливое приглашение последовать за охотниками он отклонил наотрез.

Неожиданно для себя Леон оказался начальствующим над десятком стрелков из другой деревни. Из семи охотников, уцелевших после вчерашней вылазки, пятеро получили в команду десятки, а многоопытный Алоэй – даже комбинированную сотню шептунов и стрелков. (Седьмой охотник, оказавшийся поблизости от пути огненного клубка, получил ожоги и отлеживался дома с повязками на боках.)

Шла сила. Даже лесные бабочки смолкали, услышав шум столь внушительного отряда. От топота ног с деревьев сыпались листья. Драконов повели по удобной тропе в обход Трескучего леса. Встретились на Мшистом Тягуне – Линдор распорядился стрелкам устроить привал и лишний раз проверить оружие, а шептунам – прочесать окрестности и привести еще нескольких драконов. Ждать пришлось недолго: одного за другим привели пятерых – наскоро зашептанных, огрызающихся, – и Линдор сказал, что этого хватит.

Выслали разведчиков. Железный Зверь никуда не уполз, только отвалы вокруг безобразных ям посреди пустоши стали выше, и у Зверя прибавилось детенышей. Теперь их насчитывалось не меньше десятка, а может быть, и больше – вывороченные горы земли и глины мешали разглядеть все получше.

Леон дрожал от нетерпения. Пришлось долго ждать, пока отряды охватят пустошь кольцом, да так, чтобы и ветка зря не колыхнулась, а перед этим еще долгие убеждать охотников в том, что это необходимо: вывалившуюся из леса плотную толпу Зверь испепелил бы в одно мгновение. Пусть-ка попробует отбиться от нападения с всех сторон разом! Не выйдет.

Ждать, ждать... Шептуны, расставленные по окружности пустоши, подадут сигнал. Лежа за деревом и временами раздраженно шипя, если кто-то из его десятка, не утерпев, высовывал любопытную голову, Леон поглядывал вбок, на выжженную дыханием Зверя просеку. Здесь огонь порезвился и погас в сырых зарослях, а дыхни так Зверь в Трескучем лесу, тот, без сомнения, выгорел бы дотла...

Кто-то погибнет. Вспоминая, как умерли Эет и Идмон, Леон стискивал зубы. Стыдно: вчера он бежал, как все, бросив тела товарищей, мчался в нестерпимом ужасе, оглядываясь на настигающий огненный клубок, петлял, как пугливая травяная мышь, выгнанная на открытое место... Линдор тоже бежал, это верно, но он по крайней мере остановился первым... Один Умнейший, которого поначалу тоже сочли погибшим, как оказалось, пересидел опасность, укрывшись в подлеске. А Парис, даром что не молоденький, так и не остановился до самой деревни...

Стыдно.

В последний раз. Больше этого не будет. Будет победа, будут и песни, сложенные в честь победителей, потому что одоление Железного Зверя – не простое убийство, что бы ни заявляла во всеуслышанье Хранительница. Это работа для мужчин, настоящая работа. Нужная. Хватит женщинам твердить, что они ублажают дармоедов.

Сигнал! Леон вскочил на ноги. Наконец-то!

В три прыжка он очутился на пустоши. Вперед! Он ясно видел, как по всей лесной кайме разом всколыхнулся подлесок, как неподалеку упало сваленное драконом дерево, он слышал, как шуршат раздвигаемые на бегу ветви и под ногами сотен охотников гибнут смиаемые травы, и он, посылая вперед свое быстрое, гибкое тело, ликовал оттого, что Зверь взят в сжимающееся кольцо и теперь не уйдет... не уйдет... не должен...

Это было зрелище.

Шесть драконов молча мчались на Зверя с разных сторон, только слышался свист воздуха, вырывающегося из громадных легких, да под ногами лесных исполинов тяжело дрожала земля. Половину расстояния, отделявшего их от врага, они покрыли быстрее, чем можно сосчитать до десяти. Вслед за ними из-под защиты деревьев с криками выбежали люди. Первыми бежали шептуны, которым предстояло сразу после схватки зашептать разъяренных драконов – дело далеко не простое, требующее согласованных усилий многих людей. За ними спешили стрелки, на бегу изготавливая к стрельбе духовые трубки. Некоторые раскручивали пращи. Сильно отстав от охотников, рысил позади всех Брюхоногий Полидевк, свистя в дудку-кость.

Теперь Железный Зверь не казался таким уж страшным – даже самый маленький дракон вчетверо превосходил его размерами. Затопчут, уверенно думал Леон, стараясь не отстать от своего десятка, крича на бегу, как все. Он не хотел пропустить этот момент. Сейчас шесть чудовищ – шесть живых таранов – сойдутся в одной точке, и опасный Железный Зверь будет раздавлен лавиной тупой животной ярости, топчущих лап и рвущих когтей. Будет чудо, если Зверь сумеет отбиться от шести драконов разом, но если он все же отобьется, в дело вступят охотники и воздух наполнится пением отравленных стрел. Залп из четырехсот духовых трубок чего-нибудь да стоит!

От Железного Зверя отделился сверкающий обруч. Узкое кольцо, похожее на Великий Нимб, но неизмеримо более яркое, ослепляющее, стремительно раздалось вширь, захватывая пустошь, мгновенно вспыхивающую траву, кустарник, драконов, людей...

Охваченные жарким пламенем, шесть драконов продолжали нестись вперед до тех пор, пока последний из них не рассыпался на бегу в пепел. Люди, не подгоняемые приказами шептунов, оказались слабее. Некоторые из отставших сразу повернули к лесу. Кое-кому из них это спасло жизнь.

Вспыхивали, падали... Большая часть охотников продолжала бежать к Зверю, пуская стрелки из духовых трубок, и люди превращались в огненные столбы, так и не успев осознать, что произошло. Другие ложились ничком; некоторые, как Линдор, пытались с разбега перескочить через огненный обруч. Иные успевали крикнуть.

Леон выстрелил только один раз. Возможно, он попал в Зверя, возможно, и нет, — он не был уверен. Когда он споткнулся и с криком досады полетел в невесть откуда взявшуюся яму, он как раз заталкивал на бегу в духовую трубку новую стрелку — он бы точно попал во второй раз, в этом не могло быть сомнений...

Он закричал еще раз, когда пронесшийся над пустошью огненный вихрь опалил ему спину, попытался вскочить и упал снова, мучаясь от боли ожогов и еще не понимая, как ему повезло. Волосы на затылке сожгло, кожаный набедренник тлел и вонял. За что? Леон моргал ослепленными глазами. Почему так больно? Что люди сделали плохого Железному Зверю? Он моргал, видя и не видя, как недолгое время стоят, а затем падают факелы, только что бывшие людьми, как горит трава и с неба начинает сеяться пепел, а вот и лес загорелся, потому что до него дошел огненный круг...

Один из детенышей Зверя взмыл в воздух — оказывается, он умел летать! — и, легко набрав высоту, покружился над лесом там, куда ушло большинство спасшихся от Зверя. Лес в той стороне, и без того горящий весело и жарко, вспыхнул еще ярче.

Леон не пошевелился, когда детеныш прошел над ним так низко, что можно было рассмотреть свое отражение в его блестящем брюхе. Умом он понимал, что должен что-то сделать, может быть — поднять трубку и выстрелить, может быть — попытаться убежать. Он не сделал ничего. И он остался жив, а те, кто что-то делал, — вспыхнули и рассыпались пеплом.

Это было как страшный неправдоподобный сон. Этого не могло быть наяву.

И это было.

Лес вокруг Круглой пустоши горел весь вечер и часть ночи. Шипели, взрывались древесные стволы, поднимался жирный дым, влага спорила с огнем. Когда отблески пожара перестали освещать картину разрушения, Леон выбрался из ямы и, утопая локтями в горячем пепле, пополз прочь. Достигнув леса, он побежал.

Рудная жилка оказалась беднее металлом, чем ожидал Девятый, но все же он поступил правильно, обосновавшись здесь. Другие обнаруженные им аномалии располагались далеко, возле гор и в самих горах, почти на границе его участка. Основную работу лучше всего начать отсюда, с середины, и, накопив необходимое число зауряд-очистителей, концентрически расширять зону очистки до прямого контакта с зонами Восьмого, Десятого и Тридцать Четвертого. До сих пор не было оснований отказываться от отработанной методики.

Вчера небольшая группа местных животных, передвигающихся на задних конечностях, проявила интерес к его работе. Он пугнул их больше для порядка, чем из осторожности, — вряд ли подобные создания сумели бы ему помешать. Сегодня их пришло много больше и пришлось обратить на них внимание. Девятый и не подумал докладывать о происшествии на «Основу Основ» — слишком мелким был инцидент. Разумеется, эти животные не смогли бы причинить никакого вреда автоном-очистителю его класса, однако все говорило о том, что они пытались неуклюже атаковать вторгшегося на их территорию чужака и даже привели для этой цели более крупных животных, очевидно находящихся с ними в симбиозе. Примитивная планета, примитивная тупая жизнь, — явно не тот мир, где биосфера способна оказать активное сопротивление очистке. Более высокоорганизованным существам хватило бы одного наглядного урока, чтобы извлечь выводы, — этим, возможно, будет мало и двух.

Во время нападения Девятый ни на секунду не прерывал своей работы. Столь убогими тварями следует заниматься лишь в рамках общего плана очистки, специального внимания они не заслуживали.

Прошел день и два. Малая часть уцелевших охотников еще оставалась в деревне без всякого дела – собирались кучками, растерянно молчали, с недоумением заглядывая друг другу в глаза, веря и не веря в случившееся. Большинство ушло домой, к семьям. Женщины бегали из дома в дом, спорили о чем-то, но больше молчали, вздыхая. Хранительница не показывалась – говорили, что она с двумя младшими хранительницами перебирает древние тексты, ищет ответ.

Погибших успели оплакать, поэты сложили поминальные песни. Обожженных лечили травами и мазями, но серьезно пострадавших среди них оказалось немного. Пряча глаза, старались скрыть очевидное: уйти от огня удалось лишь тем, кто с первых секунд заразился паникой и вдобавок имел достаточно длинные ноги, – тугодумы и тяжелораненые были обречены. Умнейший, и прежде не пряник, стал раздражителен и либо обрывал на полуслове тех, кто приставал с вопросами, либо начинал говорить так брюзгливо и путано, что люди расхаживали сами. Авторитет его пошатнулся: выяснилось, что он убеждал Линдора отказаться от немедленного нападения на Железного Зверя и не сумел убедить.

В атаке на Зверя погибло более трехсот охотников – их обугленные скорчившиеся тела остались лежать на Круглой пустоши, без погребения. Круглая пустошь осталась круглой, но за счет выгоревшего леса увеличилась по меньшей мере втрое. Приблизиться к ней было невозможно: Леон сам, кое-как подлечив ожоги, ходил в очередь с другими охотниками в дальний дозор – Железный Зверь оставался на месте, только детенышей вокруг него стало еще больше. Может быть, он вообще не способен ходить, а умеет лишь ворочаться и плодить потомство?

К вечеру первого дня нашли Линдора. Ему отожгло ноги, и он на руках полз по лесу до тех пор, пока не приблизился настолько, что его мысленный крик о помощи был услышан шептунами. Дела его были плохи. Старый Титир, лучший знахарь деревни, указав на багровую кайму выше ожогов, покачал головой и пробурчал, что ноги сохранить не удастся.

Послали сказать жене. В рот Линдору для восприимчивости влили грибного сока, и Парис зашептал раненого. Старый Титир, возглавляя ораву молодых, но уже умелых учеников, распоряжался ампутацией. Мясо и жилы отделяли сухим листом кость-дерева; таким же листом, но с насечками пилили кость.

Зашептали кровь, наложили повязки. Безногого Линдора отнесли на площадь и положили на сонный лишайник. Линдор бредил, дергался, ему и во сне было больно. Парис, прослушивая его сны, качал головой. Боль была везде, она расплзалась, вцепляясь мертвой хваткой в людей, настигала самых проворных, нависала над Простором, и не было от нее защиты, потому что любая защита тоже была – Боль...

Леон рискнул приблизиться к Филисе.

– Ты не переживай, – с трудом сказал он. – Жаль, что так получилось, что он... что мы... – Он вдруг нашелся: – Линдор поправится. Он учителем станет, хорошим учителем.

– Я не переживаю, – деревянным голосом ответила Филиса.

Больше она разговаривать не захотела. Леон отошел. Против воли подумалось о том, что теперь, наверно, всё, с чем он уже почти смирился, может повернуться по-другому. Леон безуспешно гнал от себя запретные мысли. Захочет ли безногий Линдор взять за себя вторую жену? Скорее уж его жене не мешало бы взять второго мужа. А Филиса – согласна ли она по-прежнему стать женой Линдора?..

Пронзительный окрик Хлои вернул его к реальности.

К полудню стало ясно, что Линдор умрет. Он почти перестал бредить, кожа раненого из бескровно-бледной сделалась серой, с синевой, глаза ввалились, дыхание стало тяжелым и хриплым. Титир распорядился снять умирающего с сонного лишайника и перенести в дом. Если человек перед смертью захочет оставить живущим несколько прощальных слов,

лишить его этой возможности не вправе ни знахарь, ни Хранительница, ни сам Великий Нимб.

Линдор умер не так, как ожидалось. Вечером того же дня над деревней со стороны восхода появился один из детенышей Зверя, сделал круг и медленно уплыл к востоку. Люди почти безразлично проводили его взглядами. Умнейший метался от дома к дому, от человека к человеку, кричал в самые уши, хватал за плечи, тряс – все было без толку. Деревня впала в странное оцепенение. Казалось, люди ждут чего-то очень важного, мучительно пытаются понять – чего? Не бегали дети, не судачили, собираясь в проулках, женщины, замолчали младенцы в колыбелях. Собаки и те перестали лаять. Один пьяный Кирейн, валявшийся у родника на Злачной поляне, полдня пытался начать какую-то песню, но что это была за песня – никто не понял и понять не пытался. Пьяницу лишь оттащили подальше от родника, чтобы нечаянно не захлебнулся, и оставили в покое.

Проходя мимо Леона, Умнейший толкнул его ногой.

– Сидишь? Ну и сиди, жди. Тьфу на вас. Сколько ни говори дитяте, что стенка твердая, а он, пока лоб не расшибет, не поверит. Надоело! Ухожу! Пойдешь со мной?

– Куда? – вяло спросил Леон, через силу подняв голову. Он не улавливал смысла в словах Умнейшего, он едва уловил сами слова. Вздорный и нелепый старикан с птичьим гнездом на голове, хуже Париса, пусть он уйдет...

– Все равно куда. Нельзя здесь оставаться. Сами поймете, когда уже поздно будет. Пойдешь?

Леон покачал головой.

– Это куда «пойдешь»? – Хлоя была тут как тут, но перед Умнейшим все же немного робела и обращалась только к Леону, иначе несдобровать бы Умнейшему. – Я тебе уйду! Ты у меня, дрянь, уйдешь! Ишь чего удумал! – Леон всем своим видом показывал обратное, зная по опыту, что мало кто способен заставить Хлою замолчать. – Да ты на меня глазами не зыркай, ты лучше на себя погляди, бездельник, – кому ты, драконий хвост, нужен, если собственной жене от тебя ни прибытка, ни удовольствия? Другой бы муж еще в первый день с Хранительницей насчет стекла переговорил, чтобы в Город послали, а этому хоть бы хны. Вижу, куда ты смотришь! Только попробуй у меня еще раз подойти к этой девке, вот только попробуй – Хранительница тебе покажет, кто ты такой есть, а я добавлю...

Умнейший, только и пробурчав под нос непонятное: «Не женщина – лесопилка», отступил с озадаченным видом, ковыряя в ухе, заросшем седым волосом. Леон покорно страдал. Эта толстая нелюбимая женщина чего-то от него хочет. Глупая, она пытается сделать ему еще хуже, чем есть, она как враг. Но ведь не бывает хуже, чем есть. Разве это можно – убивать?..

Леон внезапно понял, и это было словно озарение, словно ослепительная вспышка. Враг! Точно. Что-то напрочь забытое из дошкольного курса для малышей. Когда-то юные и неразумные люди, спустившись с Великого Нимба, выдумывали себе врага и, сражаясь с ним, сами превращали себя во врагов врага... Кажется, так. Кажется, это было очень давно, и люди тогда любили неживое. Или нет, я путаю? Наверно, сражаться – значит охотиться друг на друга, как Железный Зверь охотился на нас...

Леон стиснул виски ладонями – звенело в ушах, вопли Хлои мешали думать. Враг. То самое имя. Враг – это тот, с кем надо сражаться, иначе умрешь. Железный Зверь – Враг, значит, и мы ему враги. Или нет? Нельзя принимать скоропалительных решений, надо спросить Хранительницу, обдумать...

Хлоя еще продолжала кричать на мужа, когда в небе над деревней вновь появился детеныш Зверя. Он двигался совершенно бесшумно. На этот раз сверкающий на солнце, словно вычерченный циркулем диск шел гораздо ниже, чем в первый раз, почти цепляя верхушки

деревьев, и вынырнул из-за кромки леса совершенно неожиданно. Одно мгновение казалось, что он и теперь пройдет мимо деревни, – но только одно мгновение.

– Так, – крикнул Умнейший. – Дождались. Ну, теперь – ноги в руки...

Первый огненный удар пришелся на грядки зеленого сыра, еще незрелого в это время года. От грядок сразу повалил дым, и видно было, как, стекая к ручью, пузырится сырная масса из лопнувших плодов. Из земли выскакивали землеройки, стояли толстыми столбиками, потом начинали крутиться, вспыхивали, чернели... Неспешно кружась над дымом, детеныш поднялся выше. По всей деревне храбро залаяли собаки. Второй сноп пламени упал в ручей, выбив из него свистящий столб пара, и на этом интерес детеныша к огородам и ручью оказался исчерпанным.

– Бегите! – кричал Умнейший. – В лес, в лес!..

Он бежал стариковской трусцой по главной улице, у всех на виду, а наперерез ему и гораздо быстрее, так что короткая тень скользила по земле молнией, мчался по воздуху детеныш Железного Зверя.

Снижаясь, он щедро ронял огонь. В один момент загорелся и начал рушиться дом Хранительницы, за ним гостевой дом, дом пьяницы Кирейна, дом Линдора, еще чей-то...

Кто-то бежал. Те, кто ходил с Линдором на Круглую пустошь, бежали поголовно. Подхватывали детей. Многие, вскочив на ноги при первом огненном ударе, так и остались стоять, растерянно и недоуменно задрав головы, и лишь тогда побежали, закричали, заметались, когда старый Титир, смотревший в небо из-под руки, превратился в пылающий столб.

– В лес, – орал Умнейший, – скорее в лес! Да не в Трескучий...

Вскочив на ноги, Леон топтался на месте. Истошный визг над ухом обозначил очевидное: жена поняла, что надо что-то делать, и сделала то, что умела лучше всего. Детеныш Зверя пронесся над деревней из конца в конец, совершил разворот над лесом и теперь возвращался тем же путем, выжигая то, что не выжег на первом заходе. Горело уже не менее десятка домов, и вспыхивали новые. Иногда клубок огня или ослепительный тонкий шнур настигал человека, но чаще огненный удар приходился в постройки. Загорелся плетень из дрын-травы. От дома Линдора осталась груда бревен, полыхавших веселым пламенем. Филиса! Она там!.. Сбив Хлою с ног, Леон бросился бежать – туда, где горело, по главной улице, через площадь, мимо еще уцелевших домов, мимо чадающих кругов в тех местах, где земля приняла в себя огонь с неба...

Навстречу бежали люди – кричали, падали... Уличная пыль поднималась столбом. Попавшаяся под ноги собака даже не огрызнулась – подвыв, пометалась по улице косматым шаром, ушмыгнула в проулок... Выпучив безумные глаза, увлекаемый вперед колыхающимся животом наперевес, рысил со скоростью сонного слизня Брехоногий Полидевк. Отмахнул на бегу резной костью – в лес, в лес! Далеко впереди, вторично пересекая путь детеныша, хитрым зигзагом петлял Умнейший – заметив скользнувшую по земле тень, ничком бросился в канаву. Удар! Леон успел отпрыгнуть. Горящее дерево, медленно переворачиваясь в воздухе, рухнуло посреди улицы, окатив фейерверком искр. Кто-то неподалеку кричал нечеловеческим голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.